

18+

Елена Булучевская

Остальные — лишние

Елена Булучевская
Остальные – лишние

«Издательские решения»

Булчевская Е.

Остальные – лишние / Е. Булчевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985760-6

Безликий родился и вырос обычным. Он не всегда был таким, пробовал жить обычной жизнью. Не смог. Чужое счастье оказалось слишком громким. Чужое счастье мучило, не давало покоя. Желание уничтожить всё лишнее оказалось сильнее. Убить всех, кто лишний. Кто одержит верх в этой игре — Безликий или лишние? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-985760-6

© Булчевская Е.
© Издательские решения

Содержание

Остальные – лишние	6
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Остальные – лишние

Елена Булучевская

© Елена Булучевская, 2020

ISBN 978-5-4498-5760-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Остальные – лишние

Все события – вымышлены, все совпадения – случайны.

Пролог Осень

Стемнело. Здесь, на этой заброшенной стройке не было ни одного фонаря, который смог бы разогнать окружающий мрак. Сюда приходили начинающие наркоманы – попробовать, каково это – побывать в других мирах, и всего-то нужно пожевать, покурить или уколиться. Здесь начинающие проститутки обоих полов отрабатывали умение с первыми клиентами. Учиться курить и выпивать малолетки всего района тоже сползались сюда. Сбежавшие из дома подростки знали, что пару-тройку ночей могут перекантоваться в Развалинах. Такое название появилось из ниоткуда, кто-то ляпнул, да и прижилось. Развалины – звучно, запоминается легко, звучит зловеще... Мечта, а не название для груды кое-как скрепленных осыпающихся кирпичей. На одном из шатких верхних этажей любители острых ощущений устроили настоящую берлогу, натащив кучу старых одеял и подушек, найденных возле мусорных ящиков либо выпрошенных дома. И полиция знала, куда в первую очередь отправляются местные подростки, когда что-нибудь натворили. Или всегда там был кто-то, кто мог рассказать или показать, что случилось на самом деле с теми, кто натворил и скрылся – все те же подростки или кто постарше, из числа постоянных обитателей.

...Мальчишки уже давно разбежались по домам. Старожилы разбрелись по своим углам. Кто постоянно в Развалинах околачивается – и их не видеть и не слышать. А мальчику домой не хотелось – ужин то ли будет, то ли нет, а орать и драться – точно будут. Хотя вроде бы не за что. Ну да, они найдут, за что. Не так глянул – подзатыльник, не так сел – оплеуха, слишком громко сопишь – снова оплеуха. Мамка и этот новый папка скорее всего уже к бутылке приложились, да не по разу. И теперь ищут на ком бы выместить зло, что скопилось за день, за месяц, за всю жизнь. Найти того, кого можно обвинить во всех неудачах, того, кто сдачи дать не сможет. Только за порог переступишь и начнется... Нет уж. Здесь никто не пристаёт, и не дерется. Здесь тихо и пока тепло. Страшновато немного, но это не самое главное. Фингал получить страшнее – могут и без глаза оставить, уж точно гораздо больше.

Живот от голода урчит, зараза, аж подвывать начинает. Пойти в «Светляк», что ли – магазин в доме через дорогу, попросить что-нибудь. Там тетка Оля добрая, всегда подкармливает. У нее своих детей нет, и муж ушел, а она все равно добрая. Всегда пожалеет и никогда не орет. Точно, надо пойти туда, помочь ей коробки на мусорку утащить или еще чего, и вроде как не выпросил, а заработал. Мальчик заулыбался. Если тетка Оля работает, можно у нее там посидеть, иногда она пускала в уголке в подсобке переночевать – нечасто, но бывало же. Тогда будет сытый и в тепле, даже может телек посмотреть разрешит. И никто не наградит лишним фонарем под глазом, или еще чем похуже. Конечно, можно и на хозяев магазинских нарваться или на сменщицу тетя Олину, Маринку. Они таких, как он, не жалуют. Думают, что он воровать приходит, орут всегда, чтобы уходил. Мальчик выпрямился во весь рост – а он не вор, он не такой. И не попрошайничает. Всегда свой хлеб отрабатывает. Надо идти, а то околеешь тут с голоду и холоду. Если бы днем голубей наловил, сейчас можно было супец сварганить, да тупанул.

Мальчик перепрыгивал через кучи строительного мусора, которыми изобиловал двор. Контора, что начинала строить этот дом, в одночасье разорилась, и стройку забросили.

Вывезли нетронутые стройматериалы и на этом закончили. Все, что можно было снять, что имело хоть какую-то ценность, давно растащили. Остался лишь ненужный хлам. И через этот хлам пробираться надо очень осторожно, особенно в этих потемках. Тонкий серпик молодого месяца выполз на чернеющее небо с яркими проколами звезд, но осветить что-либо этот серпик был явно не в силах. Провалы между мусорными кучами казались бездонными. И в Развалинах как-то исключительно тихо. Мальчик заметил эту громкую тишину, когда камешки под ногами хрупнули. Обычно где-нибудь горит костер, тренькает чья-то гитара, в одном углу ссорятся, в другом – в карты режутся, песни орут, ржут над кем-нибудь или чем-нибудь. А сегодня – тишина и темнота. Прыг, прыг, темнота. Пока сидел да раздумывал, месяц уже повис почти над головой, хоть немного света дает и то хорошо. Прыг, прыг, допрыгал до обрушенной лет сто назад бетонной балки, через которую надо перелезть. Залез на балку, прошел, балансируя по ее краю почти до выхода из двора, решил красиво спрыгнуть – как в цирке. Ну не то, чтобы он в таких заведениях часто бывал, но ведь в телевизоре много чего показывают, а он же не дикий какой. Вон к Владу как-то заходил, к Зверенку, у него мамка даже еще приглашала. У них телек нехилый, такой здоровенный – историю какого-то известного цирка показывали как раз. Мамка хорошая у Влада, не стала орать, чтобы уже шли уроки сразу делать и вообще, не стала даже спрашивать, чего приперлись без разрешения. Красивая такая, пахнет от нее вкусностями, печеньками какими-то, и ничего Владу не сказала, даже шепотом. Зверенку и ему тогда надо было какой-то дурацкий школьный проект делать, в пару училка поставила. Вот и пришлось к ним идти. Но было хорошо, никогда не видел, как в настоящем доме бывает. Не в жилище или в квартире, а ДОМА – вот прям так, большими буквами. Дом – это там, где тебя всегда ждут, и всегда тебе рады, наверное так.

Мамка Влада их сначала руки мыть отправила и переодеться, ему тоже домашнюю одежду выдали – шорты и майку со смешным мышом. Потом сказали, что можно их себе забрать, ту майку и шорты. Мальчику все время было неловко, что у него носки зашитые и не очень чистые, он старался ноги то под стул спрятать, то скрючить как-нибудь. Но ни Влад, ни его мамка ничего не сказали про это, вроде и не заметили. Потом после мытья-переодевания отправились обедать. И это был самый запоминающийся обед в жизни мальчика. Всего было много, все было свежее и такое вкусное! В кухне пахло всякими вкусностями... Потом, когда проект был закончен и благополучно сдан, Влад первое время звал в гости, но мальчик стыдился за свои носки, за свою старую одежду, за потрепанный рюкзак, за многочисленные синяки и ссадины. Пришлось придумывать всякие отговорки, чтобы Зверенок отвязался. И Влад снова стал лишь одноклассником, с которым здороваешься, бегаешь на переменах и все, никаких личных контактов. А мамка мальчика сказала, чтобы «не водился с этим Зверевым, они из богатеньких. Будут на тебя сверху вниз смотреть, а тебе их подаяния даром не нужны». Ага, не нужны, ничьи не нужны. Сам все могу, сам все заработаю...

И брякнулся с балки в кучу строительного мусора. Боль была жуткая. Ободрал руки, ноги, порвал одежду. Спину, похоже, тоже ободрал. Сел, зашипев от боли. Блин, за одежду опять бухтеть будут дома. Будут орать, что огнем все горит. Ну да, огнем – штанам лет пять, и достались уже не новыми. Куртку эту джинсовую мамка откуда-то притащила, отстирала и сказала, что купила. Сказочница. Тьфу, блин, больно-то как. Надо теперь точно до «Светляка» прыгать как-то, вдруг сломал чего и сдохнет тут. От таких невеселых мыслей стало и вовсе плохо. Развалины возвышались равнодушной темной грудой, казались снизу еще выше. Поднялся холодный ветер, завывая в подворотнях, шуршал опавшей листвой. Мальчик попытался встать, опираясь на руки. Вскрикнул от боли и упал снова, ударившись головой о так некстати подвернувшийся камень. Падая, успел посмотреть на Развалины, которые сейчас выглядели похожими на башню. Огромная темная башня... Как у Влада в комнате на постере – нарисована темная башня, вокруг поле цветов каких-то красных и пацан вдалеке на башню

пялится (цикл романов С. Кинга «Темная башня»). Закрутилась эта башня, завертелась и пропала. Все стало черным, звуки исчезли, все исчезло. И мальчик потерял сознание.

Очнулся от ощущения, что его кто-то несет. Валяться по осени на битых кирпичах и строительном мусоре – так себе удовольствие. Чужой человек – а он был точно чужой – пах как-то странно. Вроде знакомо и незнакомо одновременно. Мальчик попытался поднять руки, чтобы дотронуться до этого человека, что нес его, но руки не слушались.

– Э, друг, ты очнулся? Ты лежи, лежи себе спокойно. Сейчас я тебе помогу. Боли скоро не будет.

Мальчик попытался откашляться, чтобы ответить, но из горла вылетел сгусток крови, голос так и не появился, удалось лишь промычать нечто невразумительное. А человек – мужчина, очень сильный, похоже – сколько он тащит страдальца и не запыхался даже – продолжал:

– Придем сейчас, уложу тебя, таблеточками накормлю, перевяжу, и все замечательно будет, – напевно так, словно сказку читал.

Мальчик попытался прошептать, что ему бы в больничку надо, но нет.

– Зачем тебе туда, там коновалы эти, они тебе ничем не помогут, а я помогу. Не переживай, не дергайся, лежи спокойненько, и все будет хорошо.

Подозрительный все-таки мужик. Мальчик попросил в «Светляк» завернуть, мол, его ждут там. Мужик промолчал, плечи только как-то приподнялись, показалось – замахивается, ударит сейчас. Мальчик вскинулся из последних сил, пытаясь хотя бы закричать. Но дядька этот, оглянувшись по сторонам – вот волк, чисто волк, как в телевизоре показывали, всем туловищем повернулся – зажал рот какой-то тряпкой, и снова все поплыло, и пропало в серо-черной мутной круговерти...

Глава 1

Весна следующего года

День сегодня не задался с самого утра. Он мало того, что понедельник, так и еще всяких всякостей набежалю. Небо затянуто низкими тучами, хмуры сплошная. Будильник почему-то не сработал, Влад раскапризничался с утра, не желая идти к бабушке-дедушке: «Че я там делать-то буду? Мне там скучно, я лучше дома посижу! Я уже большой! И на улицу не пойду, и открывать никому не буду!». А я ведь обещала маме, что Влад будет к ним ходить на каникулах. Мама, наконец, оттаяла. Поначалу-то и слышать не хотела ни о каких внуках: «Я их не заказывала!» Даже с братниными не оставалась, только если уж совсем никак без ее участия, и то после долгих уговоров. А моего так и за внука поначалу не считала. Ну да я не обижалась. Понять ее можно – а как же, их любимая красавица-умница поступила по-своему, не так, как мама-папа говорили. Самостоятельная слишком... Мама не так уж давно начала хоть как-то с нами общаться. Поэтому я отмела все возражения, как незначительные, и велела собираться пошустрее. И так опаздываю, а шеф злющий ходит, у опоздания могут обнаружиться нежелательные последствия. В виде лишения премии, или зарплату задержат на месяцок, а то и попросить могут. Кто потом примет на работу мать-одиночку в последнем приступе юности? Мне к сорока уже, а всем нужны двадцатипятилетние длинноногие умницы с холодными глазами, да чтобы стаж был лет 10. Вот и приходится соответствовать все время. Уволят – содержать меня будет некому. Мне кажется, на работе меня держат за мою безотказную память, и шеф Боярика побаивается. Хоть я и бывшая его пассия, но мало ли.

А Боярик вроде и не при чем. Я сама ребеночка захотела, и когда беременная была, ему не говорила до последнего. Мужик женатый, зачем лишний раз дергать. Было нам хорошо вместе и не раз, а на этом и точку можно поставить. Он из семьи уходить не собирался при любом раскладе, и рождение Владика ничуть не изменило бы его решения. Конечно, он об всем узнал. Я в роддоме еще была, а он уже названивать начал: что, да как, да почему ничего не сказала... Что ж я скажу-то ему – решила вот ребеночка от тебя заиметь? Он же жутко подозрительный. Подумал бы, что денег отжать хочу или еще чего, заранее пересрались бы напрочь, зачем это все. Он во время моей беременности с семьей полгода в заграничах находился. Пашка, помощник-секретарь его, в курсе был, он мне всякие вкусности-цветочки в роддом носил, когда на сохранении лежала. Не сказал шефу, ха! Я давно подозревала, что неспроста помощник крутится так, по собственному почину. Неравнодушен ко всем беременным пассиям шефа? Сомневаюсь. Неравнодушен ко мне все-таки, наверное. Хотя он-то нам не очень нужен, Пашка. И вдвоем с ребенком хорошо будет.

Мальчик родился спокойный и здоровенький, я в нем души не чаяла. Только вот семья моя... Особенно братец кипятился – ему-то хорошо, у него две близняшки по дому разгуливают, взирая на всех с высоты своего семилетнего возраста, да жена – белесая и молчаливая – вновь с круглым животом. А мне по вечерам на темнеющее небо вой, что ли, или котятков штук сорок – сильная и независимая, да? Семья моя, в общем и целом, очень была недовольна – старорежимники какие-то или сектанты. Ну и ладно, обойдемся. Будет у меня собственный мужичок, с которым и поговорить можно, и вот чаю попить. Жить где есть, так что, сами мы, все сами. Квартира наша не очень большая – всего три комнаты. Часть денег на покупку и ремонт пришлось в банке брать, зато своя. Родители неподалеку – так, на всякий случай, на самый крайний. И школа есть через дом, подрастет мой мужичок, и пойдет учиться. Сразу вспомнила сказку про Буратино, чуть не засмеялась в голос. Спешить надо, некогда ржать с утра пораньше. А то на работе и будешь Буратино самый натуральный...

...Боярик приезжал пару раз, когда я в с малышом осваивалась, привез вещички какие-то детские, цветов – веник, еще какой-то белиберды, прощался вежливо, говорил – звонить, вдруг

что понадобится, и отчалил. У него неотложные дела, как всегда ооочень важные. Помощника своего иногда присылал с подарками для детеныша моего. Пашка и сам забегал – все на что-то надеялся. Боярик купил новый бизнес у вдовы одного местного туза, теперь разгрести надо, перестраивать по-своему, по-бояриковски. Он и фамилию мне сказал, и говорил, что я должна их помнить – обоих – и туза того, и супружницу его. Я и правда вспомнила их – очень красивая пара, как не запомнить.

Вся его былая страсть ко мне улетучилась. Решил, видимо, что я хотела ребенка, и заполучила желаемое. Я ему, видите ли, импонировала – раньше. Таскал с собой везде на всякие приемы. Ну и пусть его. Кто с кем играл – непонятно, да и разбираться ни к чему... Я не в обиде, не внакладе. Теперь может найти кучу новых ненаглядных лялек с их пятьюдесятью килограммами, десяток из которых – силикон, ботокс, наращенные волосы и вся эта искусственная ерунда, которую сейчас модно на себя напяливать.

...И вот надо же было сегодня-то так проспать. На работе какой новый внедреш обещали, инструкции читать надо, а тут... Влада с уговорами удалось-таки утащить к бабке, которая с утра уже ждала его, напекла вкусностей. Мальчик на это и купился, даже ручкой соизволил помахать, когда убегала. Чмокнула маму и унеслась. Пока к дороге бежала, на подъездах, столбах заметила белый лист: «Разыскивается!», на нем фотка какого-то пацана, лицо показалось очень знакомым. Не первый раз видела листы такие, но внимания как-то недосуг было обратить. А сейчас – вот же, когда опаздываешь, такие мелочи подчас замечаешь! Порылась в памяти на ходу, вспомнить не удалось – слабеет, что ли. Засело это лицо, как заноза, как полужаившая ранка, что чешется все время. Вот вам и знаменитая фотографическая память! Надо каких-то таблеток для памяти съесть, что ли...

Такси ловила прямо на дороге, чего терпеть не могу – мало ли кто остановится, будет мозги полоскать до самого места назначения. Но тут повезло – таксист оказался мужиком серьезным, годился мне в папаши, домчал быстро и аккуратно, денег взял немного.

На работе царил реальный аврал – везде суетня и беготня. Мое отсутствие пока не заметили. Настюха, подружка моя закадычная, компьютер включить догадалась, врала всем напропалую, что я в аптеку отлучилась. Я чуть ее не спалила – забежала, начала извиняться, а она уже навстречу бежит:

– Ну, купила? Как голова твоя? Работать-то сможешь? – золото, а не девка, надо будет ей шоколаду килограмм купить – черного и горького, она только такую благодарность от меня принимает. Я быстренько состряпала страдальческую мину:

– Ой, не знаю, мне таблеток каких-то насоветовали, сейчас выпью, надеюсь, что отпустит.

Дальше рабочий день покатился, как всегда. Беготня, инструктаж, чай-кофе, сплетни и все такое. Лишь в обед удалось выкроить минутку и позвонить маме. У них все было нормально, Влад выпросился погулять, и куда-то смылся из зоны видимости. Ох, и получит вечером, если у меня на взбучку силы еще останутся.

И вот, наконец! Рабочий день, казавшийся бесконечным, все же решил приказать долго жить. И я с облегчением выдохнув, выключила компьютер. Сгребла свои вещички и сделав ручкой бедолагам, которым пришлось задержаться, потопала домой. Позвонила маме, спросить хотела, не нужно ли чего купить. Но у нее было все время занято. Ну да ладно, если вдруг что понадобится, Влад сгоняет. Или мы вместе с ним сходим.

Уже возле родительского дома меня обогнала машина с мигалками. Сердце екнуло: чье-то горе-беда проехали. Выйдя из-за угла, увидела, что полицейская машина остановилась возле подъезда, к которому я и шла. Сердце уже не екало, а колотилось об ребра, руки дрожали. Ноги отказывались идти, уговаривала себя, что это не к нам, это не наша беда приехала... Открылась дверь подъезда, вышла мама в сопровождении участкового. Она была бледна, как снег, и, наверное впервые в жизни я увидела ее без помады на губах. Это напугало больше

всего. Заставила себя идти быстрее, хотела окликнуть, чтобы меня подождали. Но мама уже меня увидела:

– Доченька, ты только не волнуйся. Сережа говорит, что все обойдется.

Маму знали все в округе – заслуженный воспитатель местного детского садика, жизнь посвятившая чужим детям. Чтобы попасть в ее группу, записывались заранее. И шкафоподобный Сережа в полицейской форме, смущенно мявший папку позади мамы, явно был из ее воспитанников.

– Мама, что обойдется? Что случилось? Влад? Где он?

– Доченька, – кольнуло вновь, – «доченька», да она меня так уже лет сто не называла, и голос хриплый, дрожит, – Влад потерялся. Дед по городу ездит, ищет, вдруг заигрался мальчик где-нибудь. А Сереженьку я на всякий случай вызвала. Он говорит, что заявления о пропавшем принимаются только через три дня. Но к нам приехал. И помочь обещал.

У меня похолодели руки, в глазах мухи полетели. Но потом тряхнула головой, нельзя сейчас. Потом, когда все закончится, тогда можно будет позволить себе и слезки, и обмороки, и все остальное.

– Мама, когда он ушел и что сказал?

– Он после обеда заскучал. Телевизор и компьютер надоели. Посидел возле окна, мне на кухне помог. А потом и не знал, куда себя деть. Приластился ко мне, мол, баба, отпусти погулять, я же здесь все знаю. И в школу я, мол, рядом хожу. Да уговаривал так, что я и растаяла.

Вот в этом точно весь Влад – кого угодно уболтает. Я прям себе наметила запомнить накрепко, что после моих слез и обмороков, светит мальчику такое... Что именно – я еще даже не знаю, какое. Потом наказание придумаю. Когда найдется. Оглянулась на дорогу, что вела к подъезду – послышалось, едет кто-то. А вдруг папа и с ним мой неслух? Но нет, показалось, точно показалось. Полицейские, опросив всех еще раз, пообещали держать нас в курсе и уехали. Мы поднялись в родительскую квартиру.

– Мама, я пойду к себе. Ты мне позвони, если вдруг что.

– А может ты у нас останешься? Так и мне спокойнее будет, что с тобой все в порядке. Женя с семьей забежать собирались. Папа приедет, сразу все узнаешь, если новости будут.

– Нет, я пойду. А вдруг он домой ушел и сидит, ждет меня. Знаешь же, как он сюрпризы любит устраивать... Если так – вот ему сюрприз-то будет! Позвонишь, если вдруг что-то прояснится.

Она вскинулась было сначала обнадежено, потом поникла, устало кивнула, забормотав:

– Ты прости меня, прости, что недоглядела...

На глаза слезы навернулись, я обняла ее, поглаживая по вздрагивающей спине, напоила лекарствами и ушла. Сидеть и ждать здесь я просто физически не могла.

К дому я летела, а вдруг так и есть? Надоело Владу у стариков, он удрал домой, а сейчас меня поджидает, где-нибудь прячась, напугать решил... Но чуда не случилось. Его не было ни возле подъезда, ни возле дверей. Никто из его друзей-одноклассников ничего не знал. Теперь-то и пришло время активных действий. Я позвонила шефу и рассказала ему все, обещала забежать и написать заявление про отпуск без содержания. Удивительно, но шеф воспринял мои новости более-менее адекватно, даже голос не повысил. Потом обзвонила коллег и раскидала свои проекты, внутренне содрогаясь. Если и не заporют, а сделают нормально – тогда я без премии остаюсь, точняк, вроде не такой уж незаменимый работник. А уж если заporют... Тогда несдобровать и им, и мне. Позвонила Насте, выслушала ахи-охи, предложения помочь и все такое.

Оставался теперь лишь один звонок. Очень не хотелось, но надо. Господин Бояриков, конечно, высоко взлетел, но интереса к потомству не потерял – даже к внебрачному. Изредка названивал, интересовался что-как, подкидывал мелкому подарки, стараясь особо

не светиться. Все-таки Боярик неплохой человек – по-своему и в силу своего положения. Вот поэтому я должна была позвонить и ему. Вдруг он чем помочь сможет. Отправила сообщение и, пока ждала звонка, решила набрать объявление о пропаже мальчика. Открыла файл с фотографиями, выбирала самую подходящую, наревелась, пока разглядывала. От звука звонка, показавшегося оглушительным в тягучей тишине, подпрыгнула на месте. Наш кот, Кубик, сердито заворчал на меня, мой скачок оторвал его от насущных, очень важных кошачьих дум. Боярик выслушал мою взволнованную тираду, не перебивая. Попросил скинуть ему самую свежую фотографию, пообещал помочь и отключился. Я осталась одна со своим горем.

Голова кружилась и подташнивало. Я вспомнила, что не ела почти с самого утра. Кофе пили литрами на работе, поэтому голода и не чувствовалось, а за всей этой беготней и некогда было. Поплелась в кухню, найти что-нибудь съедобное и заглянула в комнату Влада. Все было в порядке – чисто, аккуратно, тихо. Шторы только открыты и не жужжит компьютер, кажется, что хозяин комнаты просто вышел на минуточку – воды попить или еще зачем. Я повернулась, чтобы выйти, оглянулась и замерла. Ночь заглядывала в потемневшее окно, уличные фонари превращали обычную мальчишковую комнату в нечто зловещее. Плакат с башней – я его всегда не любила, мне и фильм не понравился. Влад идея вдохновляла, вот и оставил себе постер. Картинка там словно звала в себя, звала на поле роз, и мальчик, что был на плакате, обернулся. И это был Влад... Вокруг него летали драконы. Драконы – с другого постера, книга недавно вышла, как ее там, «Мир меняющие», вроде бы. Влад зачитывался, пока я не решила, что и мне надо. А там жестяк такой, что я книжки изъела, в свою библиотеку утащила. В интернете читать запретила. Уж не знаю, послушался или нет. Но возмущался долго: «Мама, ну мама, там про мальчишек же написано, таких как я. Там и наказывают плохих всяких! Ты же сама говорила, что слабым нужно помогать, а плохих наказывать! Ну дай хоть дочитать-то...».

Я не помню, как вылетела из комнаты. Не знала, куда мне спрятаться. Закрыла везде шторы, включила свет. Везде, даже в ванной. Только тогда приступ паники начал отступать. И вспомнилось то, что пыталась вспомнить весь день. Лицо мальчика на плакате «Разыскивается!». Лицо мне до боли знакомо: одноклассник Влад, он как-то приходил к нам. Они задание совместно делали для школы! Точно! Надо его родителям позвонить, узнать, как и давно ли пропал их сын, нашелся ли он. А еще вспомнила маму мальчика, видела ее пару раз в школе – впечатления не произвела, по виду – любительница крепких напитков, не очень-то заботящаяся о своем потомстве, нигде особо не участвовала. Хотя... мало ли, может она – исключение из правил. И искренне заботится о сыне. Полезла искать их телефон – не нашла, собралась уже учителю звонить, да вовремя на часы глянула. Было уже три часа ночи. Оглушила я себя снотворным и провалилась в сон.

Глава 2

Осень, что была до весны.

Меня зовут Рикат Ралдугин. Классно зовут, имя такое рычащее. Произносить даже приятно. Я много времени провожу возле окна. Времени, которого у меня нереально много, даже слишком. Я готов поделиться им с кем угодно, если этот кто-то будет проводить время со мной. Но, к сожалению, таких желающих очень мало, можно даже сказать, что нету. И не потому что я плохой человек, нет, совсем нет. Я – инвалид, калека, колясочник, или как там нас еще называют обычные люди, которых мне иногда охота назвать «обычниками» – когда совсем припекут своим нытьем и жалением. Особенно жалением. Или как это правильно – жалостью? Однажды, давно, когда я еще маленьким был, мама вывезла мою колясицу на улицу – погулять. Долго корячилась, пока эту конструкцию выволокла. Шел дядька какой-то пьяный, вроде мимо шел. Но нет, прошел, оглянулся, вернулся и началось... «Ой-бай, я вам так сочувствую, как же бедный мальчик живет... А ему больно?». И все в этом духе. Мама тогда еще была молодая, за словом в карман не лезла, она этого дядьку так отбрила, что он пошел по своим делам, бормоча под нос себе что-то вроде «вот, мол, сочувствуешь им, а они...». Мы тогда с мамой переглянулись и засмеялись.

Нам жалость обычных совсем не нужна. Мама долго не хотела признавать, что я – инвалид. Папы и бабушки-дедушки у меня давно не было, в аварии разбились. Другие родственники или жили далеко, или были настолько дальними, что ничем нам обязаны не были. Мама не могла устроиться на работу – хоть какую-нибудь. Она боялась оставлять меня одного, хотя я уже подросток, говорил ей, что вполне могу сам обойтись. По-моему, дело совсем не в моей болезни. Она просто не хотела, чтобы я оставался без нее, вот и все. И пришлось маме признаться себе, и мне, и тем людям, которые в комиссии были, что я-таки инвалид. Назначили это, как его, пособие – конечно, не миллионы, но все-таки жить худо-бедно можно. Прямо праздник был у нас – и маме тоже назначили пенсию, за то что она за мной ухаживает. Двери сделали пошире, и я на коляске могу по всей квартире ездить. Мы купили всяких вкусностей и лимонаду, и веселились весь вечер.

Потом пришла пора мне в школу идти. Мы так радовались, купили форму и тетрадки всякие. Я видел в окно, как дети из нашего двора в школу бегут, и уже предвкушал, что и я осенью пойду. Но... Пришла из школы тетенька, узнать про меня. Увидела мое кресло и как-то сникла. Увела маму на кухню, поговорить. Я затих, даже дышать старался как можно тише, чтобы услышать, о чем они беседуют. Не услышал. Школьная тетенька вскоре ушла. Мама проводила ее и снова вернулась в кухню. Странно, а мне сказать ничего не надо? Я поехал к ней, но заторопился, застрял в проеме. Коляска чуть не перевернулась, ну и нашумел я. Мама выскочила из кухни, напугалась, что я упал. Бледная, глаза красные. И я понял, что она плакала, так тихо, что и не слышно совсем. Помогла коляску выровнять. Вернулись мы в комнату. Она меня обняла, потрепала по голове. Потом села на кровать и серьезно так:

– Сынок, нам нужно с тобой поговорить.

– Мы уже разговариваем, – я всегда говорил отчетливо, несмотря на мою болезнь. Или вопреки ей, уж не знаю. Когда мы на комиссию приезжали, все тамошние тетеньки-дяденьки сбегались – я на их тесты быстро отвечал и не ошибался никогда.

– Да. Разговариваем. Ты в школу очень хочешь?

– Ну, мама, ты же и так знаешь!

– Знаю. Поэтому и спрашиваю еще раз. Женщина та, что приходила, она сказала, что если ты будешь ходить в их школу, нам не будут платить пенсию. Я могу найти работу, но сам понимаешь, – она замолчала, закрыла лицо руками.

Я и вправду все понял. Не хочет та противная тетка, чтобы я с детьми обычных учился. И дети те не захотят. В тех редких случаях, когда мы на улицу выбирались, на нас смотрели, как на уродов – на меня. А на маму глазели, мол, зачем это ей, есть же специальные заведения для таких детей, вот и сдала бы, не мучилась. Это было очень обидно, ведь я обычный мальчик. Только ходить не могу. И никогда не смогу. И лекарства всякие мне нужно постоянно пить, чтобы боль не возвращалась. Я уже и не представляю – как это, если нет тебе никакой таблетки. Боль возвращается, всегда возвращается. Мама возила меня по всяким докторам, они долго, больно меня лечили. Потом пришла очередь всяких бабок, костоправов и еще каких-то людей, которые пытались что-нибудь сделать с моими ногами. Никто из них так и не помог. Мы ездили в какие-то места, где меня купали в каких-то целебных водах, грязях, еще какой-то вроде излечивающей ерунде. И ничего. Мама постепенно становилась какой-то безрадостной, в глазах – безнадежность.

Я однажды не выдержал, набрался смелости и предложил ей поехать домой. Сказал, что нечего нам тут делать. Она заплакала, потом сказала, что у нас денег осталось только на билеты, что она ждала какого-то перевода, а он все не идет. А потом мы купили билеты и поехали домой. Только вернулись не в ту квартиру, где раньше жили – большую, светлую, а в другую, поменьше и поскромнее. Мама сказала, что у нас осталось не очень много средств, нужно бы поэкономить. А потом пришел этот к ней – адвокат – слово такое интересное. Я потом узнал, что оно значит: это человек, который защищает всяких людей в суде или еще где. Например, может дела вести за других, если они специальную бумажку оформляют. И вот этот адвокат сказал маме, что денег у нас вообще осталось очень мало, что его услуги оплачены только за этот месяц, поэтому он больше не может маму представлять. Что все средства исчерпаны – это я прям дословно запомнил. Мама тогда плакала потихоньку, в ванной спряталась, воду включила, чтобы я не слышал. А я слышал. Все слышал, только утешить ее никак не мог. Слов не находил. Чувство только такое было, что я это виноват в том, что средства наши закончились – на меня же, на лечения всякие тратили. Теперь эта новая напасть, с теткой из школы.

...Подкатился я к маме поближе, отнял ее руки от лица:

– Я не пойду в их противную школу. Не нужна она мне!

– К тебе будут приходиться учителя заниматься, – голос у нее стал каким-то другим, как у телевизора, когда рекламу показывают.

– Хорошо. Не беспокойся, все будет хорошо. Я буду послушным мальчиком. И знаешь, мне кажется, что это я виноват в том, что твои деньги кончились.

– Малыш, что ты себе напридумывал! Нет, ты вовсе не виноват в отсутствующих деньгах! И они не мои – они наши. Пусть их нет, мы хотя бы попытались тебя вылечить. И зато не будем теперь думать, а вот если бы, да кабы, сидя на мешках с деньгами. Придумаем мы что-нибудь. Эх ты, ты же мое спасение! Спаситель! Что бы я без тебя делала...

Мама улыбнулась, в глаза все-таки стояли слезы. Она быстро вышла из комнаты. Я снова вернулся к своему окну. Не видать мне школы, не появятся у меня друзья, не надеть мне ученической формы. Ну, да и фиг с ним. Сказал вслух и оглянулся, мама очень не любила, когда я так выражался.

– Рикат, я в магазин, ты что-нибудь хочешь?

– Да, мороженку! Шоколадное!

– Хорошо, будет тебе мороженка, – по голосу слышно, что улыбается. Вроде повеселела. Ничего, что школы не будет, да и с коляской, наверное, не очень удобно. Там же всякие лестницы, двери и все такое. А помогать некому будет. Пусть сами приходят меня учить, раз такие хитрые.

Из магазина мама вернулась не скоро, я уже проголодаться успел. Катался от окна к окну, ее высматривал. А потом – о! Она идет, да не одна. Дядька какой-то несет полные сумки. И дядьку того я не знаю. Мама открыла дверь, продолжая что-то говорить своему спутнику.

Она улыбалась! Дядька вошел, спросил, куда сумки-пакеты ставить. А потом пришел здороваться и знакомиться. Звали его дядя Жора, он оказался маминым давним знакомцем. Выше мамы, худощавый вроде, но полные сумки тащил легко. Куртка, джинсы, рубашка, ботинки – все вроде обычное, не очень новое. Только кепка какая-то странная, даже смешная. Так-то тоже обычная, темно-синяя, только с дурацкой надписью «вперед». Я улыбнулся, прочитав это. И спрятал быстренько свою улыбку, увидев глаза маминого спутника. В них-то ничего доброго и смешного не наблюдалось. Глаза, словно волчьи, внимательно следили за мной, размышляя, насколько я легкая добыча. Раз – моргнул дядь Жора, и нет волка, как и не бывало. Я уж подумал, померещилось, что ли. Потом дядька кепку снял – на лбу словно кто-то пытался улыбку нарисовать. Шрам над обоими бровями, лоб с залысинами, как в старых фильмах про Дракулу. Типа «интеллектуально высокий лоб» – это так мама говорила про всех, кто играл вампира. Я улыбаться больше не пытался, а вдруг про волка не показалось.

Мама выглядела как-то по-другому – глаза ярко блестят, лицо румяное, суетится, даже говорит не так, как всегда. Голос такой, словно она карамельку ест. Потом они ушли в кухню – готовить ужин. Мне выдали желаемое мороженко – шоколадное! – вопреки всем маминым ранешним запретам на сладкое до еды, и велели не путаться под ногами. После этих слов мама сникла, словно вспомнив о моем кресле и обо всем, что с ним связано. Дядя Жора сказал, что это ничего, потрепал меня по голове, и они снова ушли в кухню.

Ужин в тот вечер был замечательным. Мне мороженого перепало столько, что я от последней порции отказался. Взрослые пили водку – тьфу, она же противная, как ее пьют-то. Они морщились от каждой рюмки, но потом наливали еще. Мама стала такой веселой, все время смеялась, смотрела на дядь Жору этими своими новыми блестящими глазами, изредка поглядывая на меня, словно искала одобрение у нас обоих. Уже совсем стемнело, когда я отправился спать. Дядя Жора помог маме меня мыть, унес потом в кровать. Он и вправду выглядел только худым, когда меня нес, в его руках чувствовалась силища, мышцы прям бугрились. Я уснул под их негромкие разговоры, слышимые из кухни.

Утром дядя Жора вышел из маминой комнаты, еще покачиваясь от выпитого. С силой растер покрасневшее лицо руками, подмигнул мне и отправился в ванную. Я подкатился к двери спальни, постоял там, не решаясь ни постучать, ни заехать. Не принято это у нас было, вламываться в спальню. Мама всегда стучала, когда ко мне шла. Хотя зачем – я так и не знаю. Но меня она тем самым приучила, что без спроса заходить не следует, только в самых крайних случаях, если беспокоишься за кого-то. Она вышла сама, волосы смешные, взъерошенные, никогда ее такой не видел. Слабо улыбнувшись, поплелась в кухню. Я поехал следом, уже бы и завтракать пора. В кухне странно пахло, прокисшим чем-то, хотя и понятно почему – все, что вчера было на столе, там и осталось. Мама жадно пила воду прямо из кувшина – моя мама! – которая всегда приучала меня к порядку. И я еще не решил, нравится ли мне эта новая мама. Тихо вошедший дядя Жора напугал меня, но не ее.

– Сушняк замучил? – спросил он.

– Да, прям сил нет.

Дядя Жора щипнул маму пониже талии, она вспыхнула, заулыбалась. Потом сделала строгое лицо, и начала сгребать остатки вчерашнего пиршества в пакет для мусора.

– Детка, побудь в своей комнате, мы сейчас уберем здесь все. Потом будем завтракать.

Я молча развернулся и уехал к своему окну. Выпялился во двор, хотя там ничего не происходило. Никого не было, потому что слишком рано еще, все по домам сидят и завтракают со своими родителями. Глаза защипало, очень хотелось заплакать. Но по коридору шмыгал чужой дядька, помогал маме, оттеснив меня. Раньше-то я ей помогал, и она гордилась тем, что я могу сделать. Я даже посуду мыл! А теперь вот этот, и на фиг мне его мороженко не нужна, пусть и не предлагают даже. Было обидно, что они там, вместе. А я тут – один, никому не нужный.

После завтрака дядя Жора ушел, пообещав заходить. Я все еще дулся и понадеялся, что это будет редко – завтрак мне принесли в мою комнату, включили телек, и я сидел один, с этим дурацким подносом с едой. После ухода этого «гостя», пришла мама, села рядом, взъерошила мне волосы. Помолчала чуток и осторожно так:

– Понравился тебе дядя Жора?

Мне очень не хотелось отвечать. Я решил, что мне не нравится ни этот дядька, ни новая мама – та, которой она становилась при нем, которая пила водку и воду из кувшина. Для них я был лишним. Но мама сейчас спрашивала таким вкрадчивым тоном, так осторожно, и я побоялся ее обидеть. Поэтому нерешительно пожал плечами, мол, сомневаюсь.

– Я его давно знаю. Мы дружили с дядей Жорой в молодости. Он хороший. И помогать нам сможет. Вон, какой он сильный, тебя, как пушинку вчера унес, – а лицо опять зарумянилось, глаза заблестели. Эх, не будет нам теперь спокойной жизни с этим дядей Жорой...

Георгий Львович Крыков – так звали маминого знакомого – переехал к нам через месяц после того, как встретил маму в магазине в тот злополучный для меня день. С этого самого дня я стал для него словно прозрачным, он меня видел, но не хотел замечать. Я ему мешал, я воровал внимание мамы, ее время. Он работал в школе – да, в той самой школе, в которую я когда-то хотел попасть. Не учителем, нет. Он был там то ли дворником, то ли слесарем, не понял я как-то. И сторожил, и подметал, и чинил там всякое. Говорил, что он там на хорошем счету. Ага, как же, на хорошем. От него перегаром пахло тогда, когда не пахло выпитым. Наша уютная квартирка провоняла запахом водки, сигаретного дыма, прокисшей едой, что частенько стала оставаться на столе до утра. Мама отдалилась от меня. Лишь когда дядя Жора уходил на ночное дежурство, она ненадолго снова становилась прежней, обнимала и разговаривала со мной. А в остальное время – я становился почти прозрачным и для нее. Нет, меня не били, не ругали, не морили голодом. Меня просто не замечали. Закрывали двери в мою комнату, и я торчал там целыми днями, уставясь в телевизор или монитор. Или в окно смотрел. Учительша из школы приходила два раза в неделю, занималась и уходила. Я даже не знал, как ее зовут, она никогда не прикасалась ко мне. Если я случайно до нее дотрагивался, у нее появлялась такая брезгливая гримаса, что я старался держаться подальше. Она словно боялась заразиться от меня чем-то плохим. И всегда удивлялась, когда я правильно отвечал на ее вопросы. Потом перестала приходиться и она. Мама долго плакала, потом объявила, что это к лучшему. Что я смогу больше отдохнуть – да я и не уставал вовсе, но кого это волновало?

Вскоре я перестал выходить из своей комнаты по вечерам. Сам мылся – ну как мог уж, таз с водой у меня был же. Сам ел, что найду в холодильнике, руки у меня есть, и всякие продукты мама каждый день покупала. Надо было только заранее все набрать, чтобы не встречаться с дядькой Жорой. Смех и вовсе исчез из нашего дома. Мама смеялась теперь лишь с ним, дымными вечерами пьяным хриловатым смехом.

Дядя Жора ушел в магазин – конечно, надо же на вечер запасы приготовить, в кои-то веки сам пошел, обычно мама ходила. Она зашла ко мне. Эх, что с ней стало. До того, как этот ее знакомец поселился у нас, она была всегда красивая, всегда опрятная и аккуратная, даже в худшие дни. А теперь – глаза тусклые, ногти обкусанные – у нее-то! Волосы не то чтобы грязные, они расчесаны как попало, седины, седины россыпь, вместо прежнего золота с проблесками серебра. Уже почти обед, а на ней халат замусоленный, тапки какие-то стоптанные. Я отвернулся, мне было жалко эту новую, якобы «осчастливленную» маму. Особенно поразили ее глаза. Всегда они были ярко-серыми, прозрачными, блестящими, светились любовью. Я любил заглядывать в их глубину и всегда шутил, что в них рыбки плещутся. А сейчас те «рыбки» явно плавали вверх брюхом. И морщины, морщины.

Когда-то, казалось бы совсем давно, когда еще дяди Жоры не было и в помине, я у мамы спросил, откуда берутся у тетенок морщины. Она ненадолго задумалась. Потом сказала, что у ученых много всяких теорий на эту тему, я аж рот разинул от этого слова. Надо же «теория»!

Мне оно еще не попадалось на тот момент. Так вот, мама сказала: «Мне кажется, морщины эти появляются от того, что эти женщины слишком много пережили, что так сильно сжимали зубы, пытаюсь справиться с горем и бедами, обрушившимися на них. Поэтому это и оставило вечные следы на их лицах». А сейчас ее лицо словно кричит о том, сколько горя пережито. Я молча развернул кресло и покатил к окну. Она просто смотрела на меня – как собаки побитые смотрят. Не то чтобы я много видела собак таких, только в фильмах. Но взгляд был именно такой. Она ничего не сказала, потрепала меня по голове и молча ушла. В спальне сидела тихонько-тихонько, пока не пришел дядя Жора и не достал из пакета бутылку.

Глава 3 Ушедшее.

Шедшая по двору девочка была такой невероятно красивой, что пересыхало в горле от волнения и хотелось плакать от нахлынувших чувств. Мальчишки шептались, что она – дочка того полковника, что недавно переехал. Того полковника, который спас город. Они квартиру получили в их доме, в наконец-то законченной половине. Полдома давно построили, сдали и заселили, а полдома тянули. И вот теперь новые жильцы въезжают. Отец Горика, Лев Борисыч, шутил, что надо бы зазнакомиться с полканом, пригодится такое знакомство. А то и поженить детей, чтобы сына от армии отмазать – ну, шутил, когда трезвый был. Когда же был «навеселе», так сказать, то молча смотрел с балкона побелевшими от непонятной злости глазами на удачливого соседа, которого привозили и увозили на машине, у которого была такая жена, как вот на фотках в журналах печатают, который, наконец, общенародный герой. Ага, «герой, мать твою». Тут он даже зубами скрипел. Но, если спросить – отчего зол так, чем незнакомый сосед насолил – и ответить внятно не сможет. Дочь же у полковника... Ах, до чего хороша девчонка! Глазищи в пол лица, необычные, какие-то ярко-серые, фигурка точеная, густые волосы цвета золотистых колосьев... Поженить... Легко сказать... Не чета их семья этим, новеньким. Здороваются, улыбаются, да пятками чуешь, что другие они. Не интересно им выпить да закусить, чем бог послал, желательно за чужой счет, соседей обсудить, поганенько пошептаться про чужих жен-мужей, кто чем живет, кто-где ворует, правительство какое сволочное досталось. Этот полкан еще помогал им, воругам-политиканам.

Полкановская семья вся – ведут себя, словно и не чета соседям. Разглагольствуют про всякие фильмы, да книжонки, оперы, спектакли и прочую чушь. И фильмы-то не те, что по телеку показывают, неест, так и мелькают всякие там «лауреаты», да «номинанты», а то про музыку, да стихи, да всякую науку начнут вещать – и вовсе свет туши. Однажды стоял Лев Борисыч с мужиками во дворе, покурить-выпить-в карты резануться собирались – и услышал, как эта семейка, выгрузившись из шикарного автомобиля, про какую-то выставку треплется, которую в город привезли, мазня какая-то. А супружница полканова, ахает и охает, и умоляет взять с собой Юленьку – потому как «это может быть единственная возможность полюбоваться полотнами» какого-то то ли Мане, то ли Моне, хрен их разберешь. Лев Борисыч подмигнул мужикам, мол, во больные на всю фураженцию. А полкану крикнул соседское «Героическое здрастье вам!». Семейка полковничья откланялась всем вежливо и удалилась в подъезд. Кто-то из мужиков фыркнул презрительно, и вся компания углубилась в таинства карт и хмельную прохладу плодово-ягодного вина из тетрапакета...

Летели годы. Менялось правительство, уезжали-приезжали соседи. Только семьи Горика и Юльки остались из старожилов. Остальные давно уж поменяли место жительства. И однажды, случилось это долгожданное гориково однажды...

Горик заканчивал выпускной класс, шатко ли валко ли, но дотянул. Юля училась в параллельном. Встречались в школе частенько, во дворе пересекались – кивали вежливо друг другу, соседи как-никак. А по ночам Горик вертелся ужом на сковородке среди раскаленных горячим телом простыней, не в силах выкинуть из головы желанный образ. Глаза открывал и думал о ней, глаза закрывал и видел ее. Смеющуюся, улыбающуюся, порой стонущую в его объятиях, но никогда не такую равнодушную, как в жизни.

В этот день с утра было душно, грозовые тучи то собирались, затягивая весь небосклон, то рассеивались, неся влагу в другие места. Выпускники писали свою последнюю контрольную, изнывая от духоты. Несмотря на открытые настежь окна, в классах царил нестерпимая жара. Ни ветринки. Все четыре выпускных класса писали контрольную в актовом зале – распоряжение начальства, мол, следить за школотой попроще будет. Нагнали всех свободных учите-

лей, даже дворника поставили возле двери. Типа, вдруг кто силой прорываться будет. Смешные. Горик и Юля закончили проверять свои работы в последний раз одновременно, и едва не столкнулись возле стола, куда следовало сдавать контрольные. Юля подняла глаза от испанского плотным округлым почерком листика и улыбнулась. Улыбнулась так, как Горик и мечтал. Улыбнулась только ему. Сердце заколотилось где-то в глотке, и он едва смог сдержать дрожь в руках, когда отдавал свою работу. И даже успел приоткрыть ей двери, чем заслужил еще одну улыбку, от которой и вовсе кругом пошла голова. Вышли во двор школы – чинно-благородно, а как же, ведь уже почти взрослые. И тут Юля удивила его еще больше: она подкинула свой рюкзак высоко-высоко, поймала и засмеялась: «Ура!!».

– Ты чего творишь, сейчас выскочат эти, которые нас шугали на экзамене и наорут.

– Не выскочат, они в зале заняты, а если выскочат, им по шапке настучат. Да и пока они сюда доберутся, мы уже удерем.

Вот так. Куда девалась эта Юлька-снегурочка, как ее иногда дразнили за недоступность и постоянную холодность? В школе в старших классах девственниц почти не осталось – только вот такие снегурки и «портили» статистику «гарных школьных хлопцев». Сколько забивалось на нее споров – не счесть, но никому так и не удалось гордо потом сообщить, что «Юльку сделал». Сейчас же она смеялась, в глазах плясали веселые черти, и все казалось возможным. А если попробовать ее обнять?

И тут ливануло, да так, что иссохшая земля вмиг промокла и раскисла, расквасившись грязью. Горик и Юлька были уже на полпути к дому, возвращаться в школу смысла не было, прятаться – тоже, промокли до последней нитки в первые же секунды. Горик, чуть успокоившийся под ливнем, предложил заскочить к ним, обсохнуть и чаю попить. Крыковы жили в первом подъезде, а Юлькины – в последнем. И, о чудо! – она согласилась. Горик предложил зайти на этот раз без всякой задней мысли, от чистого сердца. Но случилось так, что никого не оказалось дома. И случилось так, что Юлька, вышедшая из ванной с влажными волосами, рассыпавшимися по его халату, Юлька-снегурочка, Юлька-недотрога, эта самая Юлька растаяла в его неумелых объятьях. Молодая кровь горяча, сопротивляться желанию они не могли, да и не захотели. Горик был у нее первым, но он точно знал, что ходить и трепаться на эту тему он не будет. Так доверчива была Юлька, так прекрасен миг, когда она стала женщиной... и хотелось, чтобы этот дождливый полдень продолжался вечно...

После сказочных мгновений не хотелось шевелиться, хотелось лишь касаться друг друга, лежа рядом. Горик приподнялся на локте, разглядывая ту, что была сейчас дороже всего.

– Почему ты меня разглядываешь? – лениво поинтересовалась Юлька, перевернувшись на живот.

– Ты – самое красивое, что я видел до сих пор. Хотя я таких и видел-то немного.

Помолчав недолго, Горик заговорил. Он рассказывал о своей семье, в которой царили вечные недомолвки, взаимные обиды и недоверие. О том, как родители смотрели друг на друга, не видя. И слушали, не слыша. Говорил и говорил, выплескивая из себя все мысли и чувства, накопленные раньше. Юлька оказалась благодарной слушательницей, она не перебивала. Сочувственно кивала и молчала. Ей было в диковинку слышать такие вещи – отношения в их семье очень сильно отличались от виденных Гориковыми глазами.

Нечто в глазах Юльки вновь всколыхнуло приутихшее было вожделение. И вновь повторилось волшебство, которое возможно между влюбленными. И вновь лень даже моргать. Горик мельком глянул на часы и ахнул непроизвольно, стрелки склонялись к шести. Лишь этот взгляд и случай, который благоволил юным и влюбленным, позволил им утаить свои отношения. Где бы не находились домашние, совсем скоро они пожалуют в родные пенаты. Представил ухмылку отца – это если трезвый придет, равнодушный кивок матери, ну уж нет, не сегодня.

– Юль, ты готова, чтобы про нас узнали родители?

– А? – голос полусонный, из облаков неги, она полулежала поперек его живота, лениво поглаживая гориков шрам от аппендицита, удаленного еще в начальной школе.

– Мои уже скоро домой придут, ты с ними встретиться хочешь?

Встрепенулась, возвращаясь в реальность:

– Уже, уже скоро придут? А сколько сейчас?

– Почти шесть.

И вовсе засуетилась, собралась за считанные минуты.

– Тебя проводить?

– Не, я побежала, вот прямо побежала уже. Я и не думала, что так поздно.

– А больше ничего не скажешь?

– Ммм? – потянулась, ткнулась сначала носом в плечо, потом неловко чмокнула в щеку, вся – словно струна натянутая.

– А я хочу сказать тебе, что ты – чудо! Я позвоню?

Заулыбалась, вздохнула облегченно – чудак-человек, а ожидала, интересно знать, чего? Кивнула и впрямь побежала, легонько стукнула дверь, и вот – словно и не было этих часов, лишь едва уловимый аромат ее духов шлейфом вьется по комнате. А нет, не вьется. Теперь халат его так пахнет, Горик решил, что быть постиранным этому халату в ближайшее время не светит.

Весь вечер Горик не мог дождаться, когда домашние наконец разбредутся по своим комнатам и затихнут уже, готовясь ко сну. Расслабляться нельзя – батька сразу вычислит, а уж потом будет доставать, пока не выяснит все подробности, делиться которыми Горик совершенно не хотелось. Да еще и ославит Юльку по всему двору. Очень хотелось услышать ее голос, но вот незадача, звонить из дома – тоже идея так себе, подслушают и снова-здорово. Нет уж, молчать и терпеть. Отец уже клевал носом перед телевизором, благоухая пивным перегаром, когда Горик потянулся и сообщил, что спать пошел. Лишь плотно закрыв дверь в комнату, позволил себе облегченно вздохнуть и, вытянувшись на кровати, вспомнить все, что сегодня произошло. Минувший день казался нереальным, только халат, слабо пахнувший ее духами, служил явным подтверждением произошедшего. Теперь осталось дождаться утра, дождаться встречи с ней, заглянуть в эти бездонные глаза, утонуть в них, раствориться в нежных руках, слушать ее воркующий смех... Горик уснул, сжимая в руках халат.

Юлке и Горик было так хорошо вместе, что они стремились проводить как можно больше времени друг с другом. Рассказывать домашним они не спешили. Юля немного стеснялась своего возлюбленного. Его речь, воспитание, интересы – он был попросту не из их круга. Но он был ее первым мужчиной и знал такие вещи, о которых она даже и не имела понятия. Например, если руки после рыбы вымыть пивом, они не будут вонять рыбой. Дома у них было мыло, которое отбивало всякие неприятные запахи. И рыбу они обычно кушали столовыми приборами. Да и пиво не очень часто употребляли. А у Горика подобных знаний, почерпнутых из кладезя «мудрости» – нетрезвого Льва Борисыча со товарищи, было просто завались.

Юность беспечна, их могли бы уличить многожды, но что-то оберегало их связь. Они никогда не ввали откровенно. Если Горик шел к друзьям, он реально сначала шел к друзьям, и лишь потом встречался с любимой. Если Юля шла ночевать к подруге – она и вправду ночевала у нее, а к Горик спешила утром. Друзья и подруги знали, что у Юльки и Горика «завелись отношения», но с кем – они не рассказывали, к ним особо не приставали.

Закончилась весна с ее внезапными ливнями, с ночным снегом и ветрами, рвущими одежду на тех, кто неосторожно высунулся из дома. Отгремели салюты на выпускных балах, в этом году празднуемых с особым размахом. Жаркое лето с мучительными вступительными экзаменами пришло, погрело город и уступило место осенней прохладе. Юлька поступила в универ, на искусствоведа учиться. Горик фыркнул, мол, что за профессия такая, с голоду

помереть можно, кому надо слушать про все эти статуи-картинки. Юля отмалчивалась, переводя разговор на другие темы...

Зашелестело ветром многоцветье опавшей листвы по мокрым от осенних дождей тротуарам, стихла разноголосая перепалка летних птиц, отправившихся к теплу. Ночи стали холодными. Юлька прохладными утрами спешила на учебу, которая ей нравилась все больше и больше. Горик уходил на работу. Куда пойти учиться за лето так и не придумал, а просиживать целыми днями дома одному было скучно. Пробовал уломать Юльку прогуливать учебу – не получилось, она еще и надулась на целый день после этого. Вот и подрабатывал пока у отца в учениках, хотя учитель из папашки был тот еще. Чуть что – подзатыльник, или рывкнет так, что вздрогнешь. Но время учит всех – и гениев, и последних пней – Горик постепенно научился немного столярничать, немного управляться с разными ключами-гайками-отвертками и освоил еще много всяких мелочей. Лев Борисыч приговаривал, что сын теперь сможет быть настоящим мужиком в доме, а не приложением к дивану. Горику вспомнился вечно орущий при включении кухонный кран дома, из-за которого уже не первый год воевали мать и отец. Но не позволил себе даже хмыкнуть и намекнуть отцу на этот злополучный кран. Папаша на расправу скор и ходить с фингалом совсем не улыбалось.

Юлька стала какой-то колючей, а тут еще и объясняй, что процесс учебный по специальности «быть настоящим мужиком» пошел не так, поучать начнет, про самостоятельность вещать будет, про независимость... Вот и смолчал. Дома, когда никого не было, вопящий кухонный кран разобрал и отремонтировал. Там делов-то было на пять минут, прокладка порвалась давно в лохмоты, поменял, протер все и на место прикрутил и закончилась капель и вопли, издавна слышимые по всей квартире. Смазал и починил втихую все двери дома, они теперь открывались и закрывались совершенно беззвучно, легко поворачиваясь в петлях. К дверям у него какая-то особая страсть появилась – в подъезде тоже все отрегулировал. И везде, где попадались корявые двери, прямо руки чесались их отремонтировать, сделать все как надо.

Юлька отдалялась все сильнее, у нее появились новые увлечения, новые друзья. А потом и новый друг. Особенный друг. Она рассказала об этом сама. Встретилась с Гориком в их месте – в парке неподалеку от дома – и вывалила сразу, торопясь, словно боясь, что не сможет иначе:

– Горик, после того, что у нас было, я не хочу тебе врать и обманывать. Мне кажется, мы просто сгупили. Мы никогда не чувствовали друг к другу того, о чем говорили, – опустила глаза, то ли стыдно ей, то ли врет. Хотя нет, врать-то какой смысл.

Горик молчал.

– Скажи хоть словечко?

Тяжелое молчание длилось еще несколько тягучих секунд, потом Горик не выдержал и заорал на Юльку:

– Какое я могу тебе сказать словечко? Ты сама подумай! Сама себе противоречишь: «после того, что у нас было». Пришла тут, чувства приплетаешь, то ли были которые, то ли не были, – в груди остро защемило, в висках пульсировали быстрые молоточки, раздавался в ушах какой-то звон, не слышный больше никому, словно неподалеку разбилось вдребезги нечто стеклянное.

– Скажи, что ты не обижаешься, что мы останемся друзьями.

– Да пошла ты! Какими друзьями? Какими друзьями, ты, тварь? Ты трахаться хотела просто, да? Чтобы я тебе между твоими стройными ножками почесал? А теперь нашелся другой, у которого бабла побольше и шкворень потверже? И теперь Горик не нужен стал, да? Тварь ты, такая же, как и все! Правильно отец про баб говорит, что бляди вы все!

Шууух, щека неожиданно стала горячей. Юлька теперь глаза не опускала, теперь зыркала своими этими глазищами, потирала ладонь:

– Замолчи! Так ты все разрушишь! Все, что было, ты опускаешь на уровень, на уровень скотства! – Запнулась, сдерживаемые слезы-таки пролились, не дали договорить. Крутанулась на каблучках и пошла прочь.

Горик еще долго шлялся по парку, пытаясь избавиться от стука молоточков в висках и настойчиво преследующего его звука разбитого стекла. Хотелось орать, да так, чтобы все боялись подойти, убить кого-нибудь – желательно эту тварь. Напиться до потери памяти, разрушить что-то, чтобы отвлечься от этой боли, порезать руки, чтобы вытекающая кровь унесла пережитое. Уже стемнело, когда он вернулся домой. Отец храпел в зале, прикрывшись газетой, благоухал перегаром так, что шибало в нос еще возле входной двери, мать шуришила на кухне. Спросила тихонько, будет ли ужинать, Горик отказался, закрылся в своей комнате и сидел до рассвета, вцепившись в тот самый халат, что надевала Юлька тогда, столетия назад. Халат так и не видал воды, поэтому все еще едва заметно источал ее запах... Уже на рассвете Горик задремал, и халат выпал из его рук, мягкой кучкой упав рядом с креслом.

Пришло недоброе утро. Похмельный отец жужжал, как рассерженный шмель, мать молча накрывала завтрак, стремясь побыстрее уйти на работу. А Лев Борисыч завтракал долго и обстоятельно, звучно швыркал горячий чай. Мать крутилась, крутилась по кухне, да и не выдержала:

– Некогда мне тут с вами околачиваться, Зинка опять ворчать будет, что опоздала. Сами уберете со стола, пошла я.

Отец шлепнул мать пониже спины:

– Иди, иди, трудяга.

Мать медленно повернулась, зыркнула на папашку, благо тот, уткнувшись во вчерашнюю газету, не заметил. Горик заметил. Заметил тяжелую ненависть в материнских глазах, подумалось, вот хорошо, что батя не видел, а то быть беде. К утру в висках перестали стучать молотки, стеклянный звон исчез. Боль не пропала, она притухла, спрятавшись куда-то до поры. Горик решил, что может, Юлька и права в чем-то, просто увидели друг в друге что-то непривычное, диковинку, вот и потянуло. А теперь – хрен бы с ней, тоже мне, красotka. Таких по улицам – вагон с тележкой, фифы и получше ножки раздвигают, их и уламывать не особо нужно. Отец прервал размышления:

– Ты чего замерз-то, ешь пошустрее, да пошли. Там работы не мерено.

Пока работал, вроде и вовсе полегчало, позабылась обида, и стихло острое ощущение потери. После обеда захмарило, утреннее тепло унеслось с порывами ледяного ветра, заморосил дождь. Нежданно-негаданно нахлынуло вчерашнее настроение. Вернулось и ничем отвлечься уже не получалось. Вспоминались не только длинные обнаженные юлькины ноги – таких и вправду по городу пруд пруди – ее улыбка, ее шутки, запах, ее привычки, которых нет больше ни у кого... И все эти записные красотки, которые всегда готовы к любым приключениям, не в силах заменить одну единственную. Эту, мать ее так, Юльку. К вечеру настроение стало совершенно невыносимым, и Горик напился. Напился до помутнения рассудка, разворотил в парке качели, стараясь совладать с желанием крушить и рушить все, что попадет. Особенно хотелось ударить Юльку, прямо по ненавистным глазищам, сломать ей нос, челюсть, перекорезить все лицо, чтобы не всплывало оно в памяти с улыбкой и нежностью. Откусить кусок от ее бархатистой щеки, смотреть, как кровь ручейком будет стекать по стройной шее... Хотелось выть, хотелось спрятаться куда-нибудь, сбежать в дальние дали...

Утром опухшего избитого Горика домой привел участковый. Горик спал в парке неподалеку от разломанных качелей. Лицо стало сплошным синяком, лопнувшие капилляры окрасили глаза в зловещий красный цвет, кожа на руках багрово-синяя, на костяшках снесена чуть ли не кости, одежда висела живописными лохмотьями, лоб от брови до брови причудливо рассечен, словно какой-то незадачливый художник хотел изобразить улыбку. Кровавый рот, улыбающийся над бровями. Мать приглушенно ахнула, отец насупил, глянул на сына испод-

лобья. Горик молча проскользнул в свою комнату, не желая ничего слышать. Попытался рухнуть на постель. Все болело так, что зашипел сквозь подозрительно шатающиеся зубы. Смутно припомнилось, как пытался на спор разгрызть камень. Мутило и адски трещала голова. С кем спорил, зачем – теперь все равно. Сел на пол, уткнулся взглядом в завитушку на обоях. Теперь было все равно. В зале едва слышно шептались родители. Участкового удалось выпроводить, всучив тому хрустящую купюру из материнских заначек на черный день, чтобы шуму не поднимал, да никаких бумажек не заводил. Потом еще пошептались чуток. Хлопнула входная дверь. Немного погодя в комнату просочилась мать с тазиком теплой воды и аптечкой под мышкой.

– Горик, давай-ка умоемся и посмотрим, что тут у тебя.

Горик молча повернулся к матери, несколько мгновений тупо смотрел на нее, потом едва заметно кивнул.

– Снимай лохмотья, халат вот надень.

Горик молча протянул руку к халату, тому самому, и молча же рванул тонкую ткань, на пол упали рукава и пара тряпок. Халата этого больше не было. Горика вроде даже полегчало от этого символического действия. Надо было с халата и начать. Словно это была Юлька, словно ее хрупкие плечи сломались, ее роскошные локоны, вырванные безжалостной рукой, валялись вместо рукавов. Горик криво ухмыльнулся, после этого послушно поддался на материнские уговоры. Переоделся в чистую одежду, мать обработала все ссадины и царапины, синяки намазала какой-то остро пахнувшей мазью. Лоб обрабатывала особенно долго, сказала, хорошо, хоть рана неглубокая, зашивать не надо. Но шрам останется. Улыбающийся шрам над бровями. Потом принесла кружку чая и стакан с какими-то каплями. Горик безропотно выпил и то, и другое. А потом провалился в сон. Юлька не оставляла его и в сновидениях, видясь исключительно или голой или мертвой – в разных кусках снов в разных видах...

Глава 4

Новая осень.

Прошел почти год. Вылилось положенное количество воды в виде осенних дождей, отсвистели зимние метели, засияло весеннее солнце, потом пришло жаркое лето. И снова наступила осень. Ранняя, жаркая, томная, пахнущая хрусткими яблоками, истекающая сладким арбузным соком. Именно тогда и случилась та памятная свадьба, Юлькина. На выкуп съехалось столько машин, что они не помещались во дворе, пришлось парковаться возле соседних домов. Да машины такие, что обзавидоваться. Местные «ремонтники» хотели поживиться, но им даже подойти к кортежу не удалось. Возле машин кучковались серьезные такие дядьки, во взглядах – сталь, кулаки свинцовые, себе дороже с ними связываться. У некоторых пиджаки топорщились в неожиданных местах. И лишь те, кто никогда не смотрел телевизор, могли предполагать, что там что-то типа телефона. Юлька была самой прекрасной невестой, как судачили бабки потом во дворе. А уж им можно верить, они такие комплименты не разбрасывают кому ни попади. Жених нес свою суженую до машины на руках, и весь мир для него был в ее глазах.

Потом шумный кортеж укатил праздновать в самый модный и дорогущий ресторан города, народу – тьма тьмущая. Юлькина мать, выглядевшая как старшая сестра новобрачной, счастливо улыбалась, глядя на дочь. Партия была удачнейшая – обеспеченная семья, с высоким положением в обществе, жених – умница, красавец, силен и удачлив в продолжении семейного бизнеса. А самое главное – молодожены не сводят влюбленных глаз друг с друга, и невеста безоблачно счастлива. Потом молодые укатили в свадебное путешествие. Завистливые дворовые бабки снова зашептались – вот мол, буржуи по заграницам раскатывают. Понемногу жизнь во дворе вернулась в свое русло. Про шумную свадьбу еще посудачили да и забыли о ней.

...Горик в день свадьбы забрался на крышу, откуда все было видно как на ладони. Про это событие ему рассказали все мало мальски знакомые, да не по разу. Отец уже неделю изводил его, мол, прошляпил девку, а мог бы зятком полковничьим быть. Юлькин отец вышел на пенсию, и за ним не приезжала теперь по утрам большая казенная машина. Но Льву Борисычу это совершенно не мешало бухтеть и называть полковника на пенсии панибратски «полканом». Лев Борисыч считал, что эта вертихвостка могла бы и дворовского кого выбрать в мужья. Вот, например, Горика. Подмигивал издевательски. Горик молча уходил в свою комнату. А к ночи обычно напивался в хлам. Работать он с отцом бросил, не выдержав постоянных шпилек и подначек. Подрабатывал «мужиком в доме» – кому кран починить, кому шкаф на стену прикрутить, на прожить-выпить хватало, а большего ему и не надо было. Мать поначалу ворчала, потом бросила, домой приходила лишь ночевать. В выходные обстирывала их, наготавливала еды впрок, чтобы всю неделю приходиться затемно и мало-мальски перекусив, заваливаться в своей комнате к телевизору. Разговаривать с мужем и сыном ей было не о чем. Она и не разговаривала. И уйти ей было некуда. Так и жили, каждый в своем мирке, каждый в своей комнате. Встречаясь лишь на кухне и в коридоре.

Сегодня Горик не выпил ни капли, решив, что должен видеть и прочувствовать все. Говорят, что время лечит. Вранье. Боль никуда не делась, найдя в сердце уголок и поселившись там навеки. Боль и обида постепенно перерастали в ненависть, тихо тлеющую желанием отомстить. И отомстить не абы как – кроваво, чтобы все эти сучки холеные помнили, что настоящие мужики не перевелись еще, только искать их надо не среди буржуйских сынков. Когда Юлька показалась утром на балконе – еще не разнаряженная, а в халатике, с влажными волосами, что-то больно кольнуло в груди, какой-то едва слышный голос прошептал, что надо бы простить, и отпустить, и жить дальше. Но Горик этого голоса слышать не хотел. Ненависть стала гораздо сильнее почти задушенной бескорыстной любви. Да и к чему она теперь, любовь эта, если предмет его вожделения вон она – поехала куда-то. Пока ничего не происходило.

Горик улегся на крыше, бездумно следя за проплывающими над ним облаками и наслаждаясь теплым осенним ветерком. Ночи уже стали холодными, но днем возвращалась чуть ли не летняя погода, радуя теплом и солнцем. Деревья во дворе нарядились в желтые, оранжевые, красные листья – потрясающими красками в этом году обзавелась осень. Горик выглянул во двор – и вовремя, Юлька выпорхнула из такси, даже отсюда, сверху было заметно, как преобразилась миленькая девочка, с которой он познакомился на свою и ее беду. Из хорошенькой девчушки выросла прелестная женщина, уверенная в себе и своем будущем счастье. Горик проворчал себе под нос, что, мол, уверенность-то и счастье не всегда тебе светить будут, придет и на мою улицу праздник.

Когда счастливый жених вынес Юльку в белой кружевной пене, и понес ее к усыпанной розами машине, Горик чуть не сиганул за парапет, стремясь покончить с невыносимой болью, что завладела им в этот момент. Трясущимися руками прикурил сигарету, бормоча, что нет еще, не пришло его время. Обжег пальцы об спичку. Спичка еще горела, когда он пристально смотрел на свою бывшую возлюбленную, кляня ее последними словами. Привычка бормотать появилась у него не так давно, тогда, когда он про свадьбу узнал. Бурчал под нос только оставаясь в одиночестве, а то заметут в дурку. Криво усмехнулся, – плюнул на обожженные пальцы, на них и поклялся себе, что не простит. Улыбающийся шрам сморщился в этот момент, натянув на лбу кожу. Горик почесал шрам – это тоже память от этой гадской снегурочки. Придет и его время, и у нее появятся шрамы. На теле и на сердце. Это уж он обеспечит.

Свадебный кортеж давно уехал, а Горик все сидел и сидел на крыше, все еще бездумно плясая в небо. Вечером снова напился на кухне, благо вся квартира была в его распоряжении. Отец куда-то ушел, мать еще не вернулась с работы. Душа горела, требовала залить ее чем-нибудь покрепче, чтобы мир перестал быть таким черным, чтобы шепчущиеся тени, что виделись в темных углах, отступили.

Открылась и закрылась входная дверь. В кухню вошел отец:

– Что празднуешь, свадьбу чужую? Прощелкал полковничью дочь? Мать не приходила? Шарится где-то ночь-полночь, – сморщился, хохотнул глумливо и полез в холодильник, достал кастрюлю с супом.

Заметив на столе полупустую бутылку, отец потянулся налить себе в стакан – а как же, стоит, родименькая, его дожидается. Горик схватил бутылку, одним глотком отправив содержимое себе в глотку. Тени стали еще ярче, отчетливее, нашептывали, предлагали... Кухню залил какой-то черный свет. Промелькнула мысль, что не может чернота быть такой яркой... Горик схватил кастрюлю с супом и нахлобучил ее на макушку опешившего отца. Развернулся и молча ушел в свою комнату. Некоторое время в квартире царил тишина. Потом-таки до Льва Борисовича дошло, что сын сотворил нечто, не укладывающееся в обычную картину его мира. Он, отбросив кастрюлю, ладонями счистил с головы налипшую вермишель, похожую на дождевых червей, и холодную глиноподобную картошку. В несколько размашистых шагов добрался до комнаты сына, резко дернул ручку закрытой двери и остолбенел. Сын стоял в дверном проеме, видимо, зашел в комнату и замер там. Лев Борисыч, накручивая себя, заорал на Горика, пытаясь избавиться от ощущения, что власть его в этой семье закончилась, что не место ему в этой комнате, убираться отсюда пора, да подальше:

– Ты, отродье, что себе позволяешь?! А!? Ты, тварюга подзаборная, да я сейчас...

– Что ты сейчас? – Горик спросил неожиданно спокойно, странно как-то спросил, шрам этот на лобяшнике искривился в безумной усмешке.

– Я тебя выпорю, не посмотрю, что вытянулся, хлеб мой жрешь, и на родного отца руку поднял! – Пытался выбесить теперь и сына. Но попытка не удалась, Горик снова криво усмехнулся:

– Я. Ем. Свой. Хлеб. Выйди отсюда. Никогда больше не смей заходить в мою комнату без моего разрешения. Никогда больше не смей орать на меня.

Стоял, уткнувшись в пол, и спокойно перечислял отцу, что еще ему нельзя теперь делать. Лев Борисыч схватил стул, стоявший неподалеку от входа, страстно желая пристукнуть этого чужого молодого человека, который становился все спокойнее, и который так мало похож на его сына. Снова заорал на него. Уже замахнулся, когда Горик поднял на него глаза. Взгляд этот был страшен и безумен до такой степени, что стул невольно вывалился из рук, Лев Борисыч замолчал, оборвал себя на середине фразы, и вышел из комнаты, тихонько прикрыв двери. Так напуган он еще никогда не был. Тот, кто остался за дверью – мало походил на его сына, да что там, он и на человека разумного не очень-то смахивал. Лев Борисыч искренне недоумевал, что такого случилось, чтобы Горик просто-напросто озверел. Подумаешь, свадьба какой-то местной шлюшки, пусть и богатая свадьба. Она же никто, чужая для них. Тоже мне событие. Хотя... Может быть у этого бешеного и было что с девицей полковничьей. Ха, не срослось у них, упорхнула пташка. Вот и пусть себе сидит в комнатухе, бельмы в темноту пялит от злости. Их не позвали, хотя могли по-соседски. Ну да и не очень-то и хотелось. Тьфу, мать-то где шляется. Супа нет – обошел лежащую посреди кухни кастрюлю. Ужинать пора, а жрать нечего. Лев Борисыч раззяпил холодильник, обшарил полки в поисках готовой пищи, не обнаружил ничего, выругался. Погремел ящиками кухонных шкафов, эти порадовали – нашелся пакет лапши из разряда «залил-подождал-съел». Потом еще вспомнил про заначенную косушку – да жизнь все лучше и лучше. Употребив все найденное, Лев Борисыч довольно ухмыльнулся, почесал живот и уселся в любимое кресло возле телевизора: пора было изучать мировые новости.

Горик сидел неподвижно в своей комнате, пока не услышал негромкое бормотание телевизионных дикторов. Кольцо, крепко сжавшее горло, немного ослабло. Открыл окно, и задышал жадно, глубоко, часто, пока не закружилась голова. Стукнула входная дверь – мать, наконец, вернулась. Горик едва слышно пробрался к постели и, как был одетый, улегся под одеяло. Мать с отцом еще какое-то время управлялись с обыденными вечерними делами. Мать, разбудив отца, поворчала о чем-то, отец пробурчал нечто неразличимое. Потом все стихло.

Утром Горик, не поднимая набрякших от бессонной ночи глаз, извинился перед отцом. Спешившая на работу мать едва заметно пожала плечами в недоумении – о вечернем конфликте ей никто не сообщил. А валяющаяся на полу кастрюля с пролитым супом – подумаешь, мелочь-то какая! Лев Борисыч, приняв на грудь, и не такое творил. На этом вроде бы все и закончилось. Жизнь потекла в прежнем ритме. Горик и Лев Борисыч ходили на работу, мать пропадала на своей, счастливая замужняя Юлька существовала со всем своим семейством где-то в другом мире. И словно ничего никогда и не было. Никаких весенних радостных ливней, летних радуг и шурышания счастливой осенней листвы...

Глава 5

И вновь осень.

День был как день. С утра, ну как с утра, часов двенадцать уже было, мама с опухшим лицом выползла из спальни, долго пила воду из-под крана. Потом неприкаянно бродила по комнатам, как грустное одинокое привидение. Немного погрела на кухне посудой, пытаюсь прибраться вчерашнее застолье. Потом снова закрылась в спальне. Позавтракал я сам, что нашел. Даже ничего не разбил и не пролил, пока накрывал. И коляской не гремел. В кухне царил такой беспорядок – видимо, ничего у мамы с уборкой не получилось, воняло так противно, что я укатил есть в свою комнату. Потом долго сидел у окна, разглядывая хмурое небо и редких прохожих. Днем во дворе не оченьлюдно. Повез грязную посуду в кухню, решив заодно что-нибудь на обед придумать. Так, на всякий случай. И чуть из коляски не выпал. Мама сидела возле кухонного окна и курила. КУРИЛА! Я никогда раньше этого не видел и не знал, что моя мама курит. Она подняла на меня глаза, лицо жалкое такое, покрыто какими-то красными пятнами, в глазах – мука:

– Что ты хотел? Поел? Ставь тарелки и займись чем-нибудь.

– Мама!! Ты никогда же не курила?!

– Теперь курю. И что?

– Ты же сама говорила, что это плохо, что нельзя курить!! – я так разволновался, что даже начал заикаться.

– Сейчас мне уже можно. Мне теперь все можно.

И отвернулась.

Я еще немного постоял, потом тихонько развернул кресло и уехал в свою комнату. Я научился очень тихо передвигаться по квартире, чтобы не мешать никому. Меня все время преследовала мысль, что однажды маме надоест заботиться обо мне, и она отдаст меня в детский дом. И там будут чужие тетки, которые меня не знают, которые не захотят меня узнать – кому нужен чужой мальчик, от которого даже родная мама отказалась? Значит, этот мальчик совсем никчемный, пусть себе сидит в уголке и смотрит, как паук плетет сеть среди пыльных гардин. Раньше, до того, как этот противный дядька поселился у нас, мне такие мысли и в голову не приходили. Да, нам порой было трудно, но мы были счастливы. А сейчас... мама, хоть и говорит, что нам очень повезло с дядей Жорой, но в это почему-то не верится, как-то неубедительно это звучит. Да я и сам все вижу. Нет у нас этого счастья, даже того маленького, что было у нас раньше. И заметно, что маме все хуже и хуже от такого «счастья». Она оживает и становится почти прежней лишь тогда, когда приходит дядя Жора и приносит выпивку.

И вот, в давящей тишине едва слышно щелкнула открывающимся замком входная дверь. Пришел «кормилец», так сказать. Мама прошмыгнула навстречу, послышалось шуршание пакетов, звякнуло стекло о стекло. Я вздохнул: сегодняшней вечер, похоже не будет отличаться от предыдущих. Дядя Жора зашумел душем в ванной – мылся дотошно, как минимум два раза в день, подолгу, после него из ванной комнаты прямо клубы пара стелились по коридору. Я пробрался в кухню – пока можно, а то на обед раздобыть ничего же не получилось, а потом я и подзабыл про еду, когда маму с сигаретой увидел. Если же сейчас не побеспокоиться о еде, можно остаться голодным и до утра – столкнуться с пьяными не хочется. Прикатил, значит, а там мама стол накрывает. Дернул ее за рукав, она аж вздрогнула. Вот так да! Раньше такого не было. Повернулась, нахмурила брови:

– Чего тебе?

– Я кушать хочу.

Молча приготовила мне еду, составила на поднос, поставила его мне на колени, развернула коляску и вывезла в коридор. И все это тоже молча. У меня комок подступил к горлу, я повернулся, хотел спросить ее. Но в этот момент стихла вода в ванной, и я передумал. Сейчас не время. Укатил быстренько в свою комнату. Только переставил поднос на стол, как двери открылись и вошел дядя Жора.

– Привет, малой. Как поживаешь?

– Здравствуйте. Хорошо поживаю, – буркнул я.

– Это хорошо, что хорошо. Ладно, бывай пока, я позже зайду.

У меня от такого заявления аж дыхание перехватило. Это зачем он зайдет? Может, он сейчас маму напоит и спать уложит, а потом меня на улицу вывезет, и скажет, что я из дому убежал? Подумал, подумал и решил, что это бред, мама не поверит, что я смог сам коляску на улицу выкатить. Еще она знает, что я ее не брошу никогда. Мы об это не говорили, но она и так знает. Так что я маленько успокоился и решил перекусить.

Вскоре послышались шаркающие шаги. Все, мама «наужиналась», спать бредет. Почему-то одна. Скрипнула кровать, вот она и улеглась. Я как можно бесшумнее выкатился в коридор, посмотрел, укрылась ли мама и покатылся в кухню, тарелки грязные взял – на случай, если нужно будет объяснять, почему это я вечером из комнаты отлучился. Но мои шпионские задумки оказались лишними. Как мама раньше говорила: «Слишком много детективов!» Дядя Жора куда-то ушел, да так тихо, что я и не услышал. Он что-то сделал с дверями, они теперь открываются и закрываются почти совсем бесшумно.

Я поставил грязную посуду на стол, набрал себе немного фруктов – а вдруг проголодаюсь, до утра времени еще ох как много. Темнеет рано. На самом деле еще и восьми нет. Я покатылся обратно к себе. Включил компьютер, решив посмотреть фильм, который давно дожидался своей очереди. Фильм был интересным, затянул в сюжет почти с самого начала. В квартире так тихо, соседей не слышно. И в этой тишине внезапно раздался леденящий душу крик. Кричала мама. С выпрыгивающим из горла сердцем я поспешил в ее спальню. Она сидела на кровати среди смятых одеял, закрыв глаза. Вытянутыми, судорожно трясущимися руками отталкивала от себя что-то невидимое, и монотонно кричала. Она не могла проснуться. Я подобрался поближе и ласково погладил ее по руке, прошептал: «Мама, мама, проснись, тебе это просто снится». Она стихла, открыла мутные глаза. В комнате воздух теперь всегда был пропитан запахом вчерашнего перегара и сегодняшним «благоуханием» алкоголя. Она схватила меня за руку:

– Рикат, Рикат, Рикаат! Беги, беги, пока он не поймал и тебя!

Я понял, что она так и не проснулась, водка сводит ее с ума, она явь и сон путает. Тряхнул ее за плечи, но она уже и сама сникла, замолчала, и снова закрыв глаза, опустилась на серую наволочку подушки. Я огляделся – ее спальня ничем не отличалась от нашей теперешней квартиры, так же пыльно, пахнет алкоголем и затхлостью, и даже на прикроватном столике пустые бутылки и банки из-под выпивки, на подоконнике – пепельница, битком набитая окурками. Постельное белье серое, пахнет кислятиной какой-то. Но сделать с этим я ничего не мог. Поэтому – укрыл маму, послушал, как она вновь проваливается в сон, вернулся в свою комнату. И вовремя. Мой обостренный слух услышал-таки, несмотря на все ухищрения дядь Жоры, шорох открывающейся входной двери. Я постарался сделать вид, что очень увлечен фильмом, хотя даже не видел, что творится на экране.

Наш «благодетель» вошел, судя по доносящимся звукам, в кухню, пробыл там какое-то время. А потом рраз и распахнул дверь в мою комнату:

– Не спишь? Очень хорошо. У нас с тобой будет сейчас разговор, как у двух настоящих мужчин, согласен?

Я смог лишь кивнуть. Такие разговоры очень подозрительны для меня. Так мне мог бы сказать только один человек: мой настоящий папа. Но он погиб, погиб еще до моего рождения

в какой-то дурацкой автокатастрофе, унесшей не только его, но и бабушку с дедушкой. Вот этот же дядька не может мне стать никаким отцом никогда. Ни при каких обстоятельствах. Ну-ну, послушаем, что мне скажет этот «настоящий мужчина».

– Ты маму любишь?

Что за глупость:

– Конечно, люблю.

– Огорчать ее ты бы не хотел?

Я отрицательно покачал головой, какой-то странный разговор. Он продолжал:

– Мы с тобой, ее два единственных в жизни мужчины, должны беречь ее покой.

Я кивнул. Только он как-то чудно беспокоится о ее покое, если она спит, совершенно пьяная, значит она совершенно спокойна, так, что ли?

– Поэтому все, что происходит, когда она спит, должно остаться для нее тайной.

Я вопросительно поднял брови, это еще что за заявление. То, что он уходит и шляется где-то по ночам – да, пожалуйста, пожалуйста. Я не огорчусь, даже если этот наш «благодетель» не вернется однажды.

– Хочу тебе сказать, что я – как эти твои супергерои. Ты же смотришь все эти фильмы про всяких тайных героев. Так вот – я помогаю мальчикам, попавшим в беду.

Я озадаченно что-то промычал и тупо пялился на дядю Жору. Как-то не связывалось: все его привычки, все его словечки дурацкие, выпивка и все такое со спасательной деятельностью. Но на всякий случай я кивнул, мол понимаю, а как же!

– Вот сегодня, например, я спас мальчика, который повредил себе ногу в Развалинах, а потом еще и головой ударился. Я не успел его подхватить, когда он падал. Поэтому принес сюда. Ты мне поможешь? Ему нужно голову обмыть и перевязать. Я принесу его к тебе?

Я кивнул, а что мне оставалось делать?

Пацану и вправду было очень плохо. Ногу ему дядь Жора худо-бедно забинтовал, но голова... волосы всклокочены, судя по всему и до падения чистотой не отличались, а сейчас были почти полностью слипшимися, пропитались кровью, сочащейся из раны на затылке. Да уж, зрелище то еще. Пока я разглядывал мальчика, дядь Жора притащил тазик с водой – мой тазик, в котором я мылся – бинты, вату, перекись и ножницы. Я сказал, что еще надо мыло или шампунь, а то грязи очень много в волосах. Дядь Жора безоговорочно принес и это. Я даже вроде его как-то зауважал за это. Подумал, может, я в нем и вправду ошибаюсь?

Мальчика мы отмывали долго, воду пришлось менять трижды. Одежда на нем была вся старая и рваная. Я отдал свои штаны, рубашку и белье для этого мальчика, потом еще носки достал, ноги-то босые у него и холодные. Мальчик во время всего этого процесса мытья-переодевания даже не шелохнулся. Дядя Жора сказал, что дал ему сильное обезболивающее – а вот откуда оно у него? И еще сказал, что боится мальчика в больницу нести – могут обвинить, что пацана этого он сам побил и все такое, тут он доверительно положил мне руку на плечо. У меня глаза подозрительно зашипало, после всего этого равнодушия, после того, как даже мама практически перестала со мной общаться – из-за него. Я чуть было не разревелся от нахлынувших чувств. А мальчик взял и застонал, тихонько и жалобно-жалобно. Сердце у меня так и екнуло, ох, что-то все-таки тут нечисто. Не зря дядька этот так ко мне набивается в друзья. Тоже мне Бэтмен, а меня в Робины (персонажи комиксов DC) рядит, что ли? Не верю! Дядя Жора вновь склонился надо мной, пришлось напрячься, чтобы глаза не опустить, так мне противно стало на него смотреть. Он и мной манипулировать хотел, вот это что было. Мамой он рулит при помощи водки, а меня на чувства купить хотел. Фиг тебе, не выйдет.

– Рикат, я все-таки попробую мальчика в больницу унести, если мама вдруг проснется, ты ей ничего не говори. Пожалуйста.

Я кивнул.

Подумал только, что проще же «скорую» вызвать. Увезут мальчика за милу душеньку, и никуда тащить никого не надо. Решив для себя очень пристально присматривать за дядькой, и еще раз внимательно оглядел раненого мальчика, запоминая его. Предложил свою куртку. Дядька Жора отказался, мол, одна у тебя куртка, мама расстроится, мол, в свою его закутаю, а потом обратно заберу. Стреб пацана в охапку, тот снова застонал, на этот раз чуть громче и протяжнее. Дядька кивнул мне и ушел. В квартире вновь стало очень тихо. Было почти двенадцать ночи. Я пробрался к маме в спальню, некоторое время посмотрел, как она спит – беспокойно, бормоча что-то невнятное. Но больше она не садилась и не кричала. Я решил умыться, переодеться в пижаму и притвориться, что сплю, чтобы дядь Жора, когда вернется, не приставал со своими «мужскими» разговорами. Перед уходом он унес и тазик и все, что прежде стащил в мою комнату для мытья и помощи. Все было тщательно – слишком уж тщательно – протерто и расставлено по местам.

После этого случая дядя Жора начал приводить мне гостей – мальчиков, примерно моего возраста. Он их приводил очень редко, вечером, иногда ночью, говорил, что он нашел их на улице, что их надо будет вернуть домой. Говорил, что они беглецы, из дома сбежали или потерялись, а он им помогает. Предлагал мне с ними поиграть, пока они не ушли. Мама в это время уже спала – дядя Жора перед этим приносил много водки и пил с мамой, пока она не отключалась. Он уносил ее в спальню. Мама не выходила до самого утра. Мне было страшно за нее, но войти в спальню я не смел, да и толку от этого, что я зайду. Чужие сны, да и свои контролировать не сможешь же.

Мальчики были странными – вялые какие-то, сидели, уставившись в одну точку. А некоторые сворачивались калачиком на полу и спали. Я как-то пытался с мамой поговорить, рассказать про ночных гостей – она мне не поверила! Рассмеялась в лицо, сказала, что дядя Жора очень хороший, что он нам помогает. Ага, помогает... Наш дом стал неудобным и каким-то страшным, что ли. Пропах водкой, несвежей едой, грязными вещами, и мне еще казалось, что пахнет хлоркой и кровью – как в больницах.

Однажды я все-таки услышал, как мама спросила у дядь Жоры про ночных гостей – с утра, конечно, вечером-то ей не до расспросов будет. Он хрипло хохотнул, сказал, что это я выдумываю себе развлечения и друзей воображаемых Терпеливо объяснял, что он уходит на работу и остается там до утра, потому как сторожить приходится. Что он же кормилец и добытчик, пытается для нас денег заработать, а вот какая благодарность... Мне надо ремня за такие наговоры всыпать или к доктору сводить, пусть даже к платному – какой богатеи щедрый – голову проверить. Мол, вдруг болезнь моя осложнения какие дала... Мама помолчала, потом сказала, что ремня не надо, и доктора не надо. Фантазия, мол, разыгралась, но она со мной поговорит и все исправит. Мама потом мне сказала, чтобы я не выдумывал, не наговаривал на человека, и занялся своими делами. Эх, прямо вот у меня много так дел, что не переделывать! И все эти странности, гости ночные, вранье дядькино, как-то напрягает – вот и все мои дела. Получается, дело главное у меня – следить за дядькой Жорой. Вот так да. Прямо супершпион я, главное, чтобы дядька про это не узнал.

...Умывшись и переодевшись, я перебрался в постель, и уже было совсем собрался тушить свет, как увидел под стулом грязную тряпку, покрытую бурыми пятнами свернувшейся крови. Ага, надо бы это припрятать, на всякий случай. Если вдруг Бэтмен не Бэтмен вовсе, а Джокер или еще кто похуже (персонажи комиксов DC). Под окном у меня было самое секретное местечко, когда окна меняли, пеной монтажной залили все, а один участок пропустили. Мама посетовала, потом просто сверху обои приклеила. Я обои аккуратно отклеил, так, что только один знал, и сделал там маленький тайничок. Не то, чтобы я часто его использовал – особенно раньше, когда мы с мамой вдвоем жили. Конфеты разве что иногда там прятал, да и то от себя в основном. Вот теперь и для серьезного дела пригодится. Я слез с кровати и, подтягивая ноги, сползал за тряпкой, потом спрятал ее в тайник и вернулся обратно. Забрался

в постель, отдышался. Хорошо все-таки, что дядя Жора и полы протер, а то пыльно у меня было, и сейчас такой человечье-змеинный след тянулся бы до самого окна. Выдохнул и выключил свет. Решив дождаться прихода дядь Жоры, лежал и глазел в темноту. Она не была прямо уж чернильной – на улице горели фонари, изредка проезжали машины, освещая потолок прозрачным светом, шелестели листья, еще не полностью опавшие. Листья-то меня и убаюкали, их шелест постепенно стихал, и, наконец, совсем замолк. Я уснул. И приснился самый первый «красный сон», как я потом начал такие сны называть.

Глава 6

СНЫ.

Ночь была тиха и благодна. Ночь прятала все дневные проблемы и заботы под покрывалом снов. Ночь баюкала и усыпляла, пела тихие песни, что выводились сопящими ноздрями, ночь шептала тихим похрапыванием, что все дневное – неважно, важны лишь сны, смотри же их, смотри внимательно. Слушай сказки ночей, слушай их, не пропускай ни словечка... они важны...

Нынешняя ночь не очень отличалась от предыдущих. Вечерний полумрак реальности покачивался, грозя тошнотой, грозя утренней головной болью... А потом наступало благословенное небытие. Наступала тишина, и можно было вспоминать минувшее безболезненно и без слез. Минувшее ушло достаточно давно, но все еще не позволяло обрести покой. Дорогие лица возвращались в снах, приносящих счастливые воспоминания, оборачиваясь страшными кошмарами. С недавних пор, когда она ложилась спать в изрядном подпитии, дорогие лица переставали быть дорогими. Они начали обвинять ее, насылая кошмары, из которых не удавалось выбраться до самых предрассветных сумерек. Тогда она выныривала из повторяющихся снов в горячем поту, с мокрым от слез лицом, и потом не могла уснуть. Лежала тихо-тихо, слушая, как похрапывает спящий рядом мужчина, всей кожей ощущая предутреннюю тишину квартиры.

Нынешняя ночь не очень отличалась от предыдущих, и все же кошмар стал каким-то другим. Дорогие оставили ее в покое – на какое-то время. Ей снилось, что она и ее сынишка, еще маленький, но уже больной, сидят в каком-то учреждении. Комната ожидания огромна, увешана для каких-то неизвестных целей зеркалами. И даже стены коридоров зеркальные. Дуют сквозняки, неведомо из каких окон, колышутся воздушные прозрачные шторы, развеваемые к месту и не к месту. Холодно здесь и бесприютно. Тоскливо так. И уйти нельзя. Ждут они, ждут чего-то важного. Мальчик иногда поднимает к ней свое бледненькое, болезненное личико, горячо шепчет что-то неразборчиво. Плачет тихонько, стараясь прижаться еще теснее. Приходится кивать, чтобы не разочаровывать и не привлекать внимания, поглаживать легонько, успокаивая. Мимо проходят какие-то невнятные тени, бормочут себе под нос нечто неразборчивое. А она сидит и ждет, ждет давно, очень давно. Ее мутит от голода, голова раскалывается от нестерпимой боли, мочевого пузырь так полон, что грозит ближайшими неприятностями, но она не может уйти.

Она смотрит в коридор, и замечает, что зеркала вдали, в самом начале коридора темнеют, словно что-то или кто-то быстро продвигается мимо. Потемнели, посветлели, потемнели, посветлели. И эта зловещая игра в свет-тьнь быстро, слишком быстро приближается. Свет в комнате становится таким ярким, подчеркивая каждую морщину на болезненном лице ребенка, каждую веснушку, каждый шрамик на ее руках, крепко вцепившихся в единственный оплот и надежду – ее маленького сына, который недоуменно распахивает широко глаза, пытаясь осознать происходящее. Свет разгорается до нестерпимого, а потом резко гаснет, заставляя плясать огненные круги и точки перед временно незрячими глазами. Всей кожей она чувствует, как неведомое приближается, и оно распространяет вокруг себя ощутимое зло. Вот уже тошнотворное дыхание этого неведомого коснулось ее, она наклоняется, пытаясь прикрыть собой сына, и это нечто проносится мимо. Проносится, едва коснувшись волочащимся шлейфом зловонных тряпок, которыми беспорядочно обмотано это нечто, не имеющее формы, заставив ее кричать от неопишуемого ужаса.

Она пытается вскочить, пытается убежать, скрыться. Но ноги ее вросли в зеркальный пол и погружаются в него все глубже. Она опускает мальчика на пол, пол почему-то неприятно теплый – она еще находит силы удивиться, как может быть теплое – неприятным? Подтолкну-

вает свое дитя, заставляя ползти, убежать, но мальчик не может. Его ноги стянуты ремнями, и с запоздалым ужасом она понимает, что ремни эти – из человеческой кожи. И она знает, что, если бы она заметила ремни раньше, она бы смогла их перерезать. Вот и нож в ее руках – со странной ручкой, шершавой, словно выточенной из кости. Она кричит мальчику: «Беги, беги, пока оно не поймало и тебя!». Он непонимающе смотрит на нее, лежа без движения. Остается лишь один выход и одно движение: ножом по своему горлу, и это нечто не будет искать себе другой жертвы, оно займется ее теплой плотью и кровью. И хочется крикнуть: «Возьми МОЕ сердце!!». Тогда ее мальчик будет жить. Она кричит, она смогла крикнуть! Она вскакивает, ноги свободны от зеркального плена, и победно вопит, зная, как им обоим ускользнуть от этого пугающего ужаса. Хватает этот странный ножи, вот! Осталось еще лишь мгновение. Но внезапно ее мальчик оказывается рядом. Он уже не младенец, он вырос, и продолжает расти, достигая гигантских размеров. Выросший ребенок склоняется, гладит ее по руке, пытаясь успокоить, шепчет что-то ласковое. Пугающее нечто отступает, расплываясь в зеркальной дымке, как рассеивающийся туман. И она стихает, и она оставляет свое жертвоприношение до других времен. Мальчик еще некоторое время стоит рядом, защищая от всего. Потом ее затягивает в другой сон и наступает тишина.

Глава 7 Ушедшее.

Юлька откровенно наслаждалась безоблачно счастливым замужеством. Муж оказался очень рукастым и очень умным. Он умел и знал практически все. Отец крякал, крутил головой, как от выпитого, и поздравлял без того летающую на крыльях дочку с удачным браком. Она тихо светилась от счастья. Муж был безмерно внимателен, силен, красив, практически все свободное время уделял ей. Дарил подарки – порой дорогие, порой просто нужные, а иногда – очень милые, трогательные до глубины души. И ей хотелось петь от счастья. Юлька очень старалась, хлопоча по дому, благоустраивая свое гнездышко, доводя его до совершенства. Она знала любимые блюда наперечет, помнила, сколько кофе, сколько сахара, какой крепости чай, какая подушка для него удобнее. И ей все время хотелось смеяться. На работу муж ей ходить отсоветовал, почитав ее черновики, предложил попробовать себя в писательстве. Юлька особо не возмущалась. На работе все время были какие-то изменения, внедрения, сокращения, перестановки, работать по существу и не давали, заставляя все время писать какие-то бесконечные и бестолковые отчеты. Ходить же туда, чтобы наряды показывать и чтобы предпенсионного возраста дамы потом шуршали по углам, какая, мол, молодежь бесстыжая пошла, в чем хочет, в том и ходит на работу... Зачем оно? Наряды можно и на приемах, которые она посещала с мужем, показывать. Там гораздо интереснее и собеседники лучше. По крайней мере есть общие темы для разговоров.

Да и как выяснилось, домохозяйки не сидят все время в салонах красоты, а еще и покупают, убирают, стирают, готовят. И еще кучу дел. Муж предлагал нанять кого-нибудь, но Юлька отказалась. Ей было приятно самой заботиться об их маленькой семье. Много поведала мама, которая о домохозяйстве все знала и все умела, причем ей удавалось сохранять королевскую выдержку, красоту и ухоженность при мытье унитазов, закупке овощей и прочих не самых чистых занятиях. Юлька искренне восхищалась матерью, стараясь перенять у нее как можно больше. И вроде даже преуспела в этом.

Юлька с мужем поселились в соседнем с родителями доме. И частенько ходили друг к другу в гости. Иногда Юлька натыкалась на своего бывшего возлюбленного, обычно пьяного, едва бредущего по двору. Всегда у нее виновато екало сердце. Но что поделать, ему-то, сердцу, как раз и не прикажешь. Она с обожанием глядела на своего драгоценного и выбрасывала из головы все, что было до него. Время шло, юлькина красота все расцветала, стихи свои она пока позабросила, не до них было. Счастье было таким полным... и однажды у нее случилась задержка. Да ладно, случилась и случилась. В следующем месяце еще одна. Юлька поняла, что их страстные ночи принесли свой плод. А казалось нельзя быть еще более счастливой. Можно!!!

Утром, проснувшись задолго до будильника, еще в предрасветном полумраке, Юлька лежала тихо-тихо, стараясь дышать как можно беззвучнее, чтобы не разбудить своего ненаглядного. Она разглядывала его спящего, размышляя о том, как сильно его любит. Думала о том, что если бы в ее распоряжении вдруг оказалась целая вечность, она хотела бы провести все отпущенное время рядом с ним. Смотрела, едва удерживаясь, чтобы не прикоснуться к дорогому лицу. Поражалась, как она раньше жила – без него. Вот нахмурился чему-то во сне, перевернулся, всхрапнул, волосы разлохматились. Каждый звук, каждая секунда созерцания. Сердце щемило от беспредельной нежности... Солнце уже всю светило в задернутые шторы, когда прозвенел будильник и настал новый день.

День этот хотя и был заполнен домашними хлопотам, тянулся и тянулся. Юлька едва дождалась вечера, чтобы не позвонить мужу, казалось, что стрелки на часах прилипли к циферблату и не двигаются. Хотелось посмотреть на его лицо, заглянуть в глаза, чтобы удосто-

вериться в необъятности его чувств, а потом уже сообщить радостную новость. Нет, она, конечно же, знала, что муж ее любит. Но насколько... в общем и целом, обычные женские закидоны. Ближе к окончанию рабочего дня муж позвонил и предупредил, что ее родители попросили увезти их на дачу. У отца закончился срок действия прав вождения, а у мамы их сроду не было. Ладно, решила Юлька, подожду еще чуток. Хотя уже приплясывала от нетерпения. Дача недалеко, ждать-то всего ничего.

... Живыми Юлька их больше никогда не видела. После звонка прошло часа четыре, когда она начала по-настоящему дергаться. Мобильные не отвечали. Обзвонила всех отцовских друзей, позвонила в полицию, позвонила соседям по даче – никто ничего не знал. Уже грызла пальцы – с детства такая привычка осталась, когда нервничала, снова начинала. Ближе к полуночи зазвонил домашний телефон. Незнакомый сухой мужской голос поинтересовался, действительно ли она – Юлия Ивановна Ралдугина, жена Михаила Алексеевича Ралдугина? Она кивнула, потом, откашлявшись, каким-то неизвестным чужим голосом подтвердила, что да, она самая.

– Ваши родители Иван Денисович и Анабелла Никандровна? – на имени матери чуть споткнулся, произнося непривычные для речи имена.

– Да, а что случилось? – горло сухое, словно марафон среди песков пробежала, и сердце норовит ребра сломать, колотясь о них.

– У супруга вашего, Михаила Алексеевича, автомобиль марки BMW, пятой модели, госномер R758PROS, белого цвета, не так ли?

– Серебристо-белого, а так все верно, госномер только я не очень помню, – зато цвет помнила, вместе же выбирали. – А что все-таки случилось?

– Они попали в ДТП. Вы можете сейчас с нашим сотрудником подъехать к Овражной дороге на опознание?

– На какое опознание? Что случилось? Какое ДТП?

– Случилась авария. Вы сможете приехать?

– Да, смогу, смогу. Они пострадали? Я и сама могу, я такси вызову.

– Нет, вам нужно обязательно прибыть с сотрудником.

Юльке затошнило от страха. Чтобы побыстрее закончить разговор, она лишь поинтересовалась, как будут звать сотрудника и его звание – остатки осторожности, отец с детства учил, что есть похитители и воры всякие, доверять всем подряд нельзя. Бросив трубку, побежала в ванную, едва успела, чуть не упала, запутавшись в полах платья. После того как ее вывернуло наизнанку, Юлька сползла на мягкий коврик, свернулась в клубок. Слез не было. В голове метались мысли, что этого просто не может быть. Это ошибка, глупый розыгрыш, что папа так решил ее разыграть – жестко, по-крупному, для того, чтобы не расслаблялась. Потом встряхнулась, надо собраться. Пусть это будет розыгрыш, но она соберется и подготовится. Глянула в зеркало и напугалась, напугалась себя. Лицо бледное, глаза ввалились и блестят чересчур ярко, губы алые, словно крови выпила. Умылась, расчесалась, в гардеробной натянула соответствующую случаю одежду. Что-то еще не забыть... Документы, документы надо взять обязательно. И деньги, все, что есть в наличии. В тот момент, когда она искала ключи, в домофон позвонили. На экране в полумраке одиноко мыкался сержант, худенький и какой-то помятый. Мозг отстранено фиксировал все детали, нужные и не очень. Юлька сжала трубку, сказала, что выходит. Ключи больно врезались в ладонь. Взгляд упал на рюкзачок, ее рюкзак, с которым она сегодня ходила в магазин за продуктами, решив устроить праздничный ужин. Ужин этот одиноко стыл на столе, забытый и никому теперь ненужный...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.